



ЗЕМЛЯ, КОТОРУЮ ДОГОНЯЕТ ЛЁД

Юрий Верхолин

Юрий Верхолин

Земля, которую догоняет лёд

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Земля, которую догоняет лёд / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

Обычный поход в музей оборачивается для брата и сестры, Ильи и Миры, путешествием в далёкое прошлое. Древняя подвеска переносит их в мир, где магия управляет водой и льдом, а в горах скрыты руины цивилизации Предтеч. Но пробуждённая климатическая машина запускает необратимое оледенение. Холод уже идёт по земле, и остановить его невозможно. Вместе с Заринойей, дочерью степного правителя, они отправляются на поиски единственного спасения — аварийного узла Предтеч. Им предстоит пересечь выжженную пустыню, где в глубине разлома бродят джинны — существа, которых нельзя уничтожить, можно лишь заточить во льду. Им предстоит заслужить доверие хранителей Храма Звезды — таинственных говорящих кошек, помнящих древние тайны. Им предстоит разгадать тайну технологий, оставленных исчезнувшей цивилизацией. Но главный выбор ждёт их в финале: спасти можно лишь тот мир, до которого они смогут дотянуться. Предтечи, магия стихий и говорящие кошки — в романе, где прошлое и будущее встречаются лицом к лицу.

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Зов из прошлого	18
Глава 2. Мир по ту сторону	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Земля, которую догоняет лёд

Пролог



Земля ещё не знала имён, которыми люди потом назовут её горы, моря и пустыни. Гора в глубине Алтая ещё не была Белухой, Гоби не называлась Гоби, а огромные пространства Центральной Азии лежали под ветром без дорог, границ и городов, возле которых кто-нибудь мог бы рассказать, что видел в небе невозможное. Поэтому почти никто не заметил, как однажды ночью среди неподвижных звёзд появилась новая. Она не мерцала и не двигалась вместе с небесным сводом. Несколько часов она висела над планетой белой точкой, затем разделилась на множество огней. Одни ушли к океанам, другие — к горам, третьи пересекли материки и исчезли за горизонтом. Если бы кто-нибудь из живших тогда людей мог наблюдать всё это с высоты, он решил бы, что звёзды начали падать на Землю, но ни одна из них не коснулась поверхности. Огромные корабли остановились высоко над землёй, и из их тёмных корпусов вниз пошли машины.

Те, кто прибыл на Землю, не называли себя Предтечами. Это имя появится гораздо позднее и будет придумано теми, кто найдёт оставленные ими сооружения. Для самих пришельцев Земля была очередным миром, пригодным для заселения с оговорками, причём оговорок оказалось больше, чем обещали первоначальные карты. Вода была повсюду, минеральный состав почвы не вызывал опасений, но климат оказался слишком изменчивым. Над одним материком месяцами висели дожди, другой выстывал быстрее расчётного, сезонные перепады то и дело выходили за привычные им пределы. Земля жила по собственным законам и не собиралась подстраиваться под гостей только потому, что те пересекли ради неё бездну между звёздами.

Первыми вниз сошли не строители, а машины-разведчики. Одна зависла над морем, выпустила тонкую нить света и скрылась под водой; через несколько дней на дне уже стоял регулятор течения. Другая вошла в горный склон, будто камень был туманом. Порода дрогнула, раздвинулась и сомкнулась за ней, а внутри массива начала расти пустота с ровными стенами. Там, где вчера лежала цельная скала, машины устанавливали кольца, протягивали кристаллические жилы и соединяли их с узлами, ещё не созданными на другом конце материка. Над степями проходили беззвучные импульсы. Трава пригибалась следом за невидимой волной и снова вставала, когда свет уходил за горизонт.

Предтечи не стали приспосабливаться к Земле. Они начали приспособливать Землю. Под горами возникали полости, на дне морей — регуляторы течений, в глубине материков — климатические узлы, связанные энергетическими каналами. Одни направляли воздушные массы, другие распределяли влагу, третьи меняли температуру поверхности. В особенно важных районах строили резервные системы, способные отгородить небольшой участок от бедствия за его пределами. Планету не собирались уничтожать. Её хотели сделать удобной и предсказуемой, как хорошо настроенную машину, в которой дождь приходит вовремя, холод не задерживается дольше необходимого, а засуха заканчивается прежде, чем становится бедствием.

Люди уже жили на Земле, однако о пришельцах почти ничего не знали. Предтечи избегали открытого контакта и закрывали строительные площадки маскировочными полями преломления. Издали работающий комплекс казался пустой долиной или обычным склоном. Но однажды трое охотников подошли к невидимой границе в тот миг, когда поле дрогнуло. Воздух перед ними раскололся прозрачными слоями. За этой зыбкой завесой открылась часть огромной дуги, уходившей в гору, и белые огни, которые двигались без людей и огня. Один охотник упал на колени, другой поднял копьё, третий запомнил всё, что успел увидеть. Поле восстановилось прежде, чем они решились сделать шаг. Позже их рассказ стал преданием о небесных духах, строивших под камнем свой дом. Самих Предтеч устраивало такое объяснение: оно позволяло считать скрытность доказательством цивилизованности и не задаваться вопросом, чем тайная переделка населённой планеты отличается от захвата.

Один из крупнейших региональных узлов возник в Центральной Азии. Машины ушли внутрь Алтайского массива и под одной из заснеженных вершин собрали центральную станцию. Жившие здесь люди спустя века назовут вершину Белой горой, а много тысячелетий позднее — Белухой. Кольцевые контуры сомкнулись вокруг кристаллического ядра; по ним пробежал первый свет, и станция приняла управление температурой, воздушными массами, осадками и ледниками огромной территории.

Когда возле будущей Белой горы собрали оборудование для резервного узла, его не повезли на юг. Между двумя тёмными опорами раскрылось неподвижное окно. За ним вместо алтайского снега лежала сухая равнина. Машины внесли в окно груз, и тот вышел далеко на юге, в землях, которым предстояло стать частью пустыни Гоби. Там кристаллические конструкции ушли под песчаный камень, и началось строительство аварийного комплекса. Если региональная сеть выйдет из-под контроля, он должен был поднять над ограниченной областью энергетическое поле и сохранить внутри пригодный для жизни климат независимо от холода, жары и перемен снаружи. Предтечи рассчитывали никогда им не пользоваться.

Дорог между объектами не прокладывали. Пространственные узлы соединяли удалённые точки напрямую. Для крупных переходов служили стационарные установки, для малых — переносные терминалы: небольшие кристалло-металлические устройства, рассчитанные на то, чтобы их можно было носить при себе. Один такой терминал спустя тысячелетия попадёт к людям и будет принят за необычную подвеску, хотя украшением он никогда не был. Другие устройства выполняли совсем иные задачи: открывали защищённые помещения и подтверждали право доступа. Для Предтеч различие между ними было очевидным. Для людей, которые обнаружат эти предметы через тысячи лет, — уже нет.

Работы продолжались десятилетиями. Под землёй загорались новые контуры, между материками проходили невидимые импульсы, климатические модели пересчитывались снова и снова. Планета менялась так медленно, что природа словно не замечала вмешательства. Предтечи были уверены, что впереди достаточно времени. Они ошибались.

Сначала изменился ритм работы. На объектах Предтеч ничего не разрушилось, не погасло и не вышло из строя, но привычная последовательность команд вдруг стала другой. Станции, годами выполнявшие расчёты без единой паузы, начали получать приказы, не связанные с терраформированием. Одни контуры переводились в резерв, другие отключались сразу после завершения текущего цикла, третьи получали распоряжение сохранить настройки и перейти в режим длительного ожидания. На планетарной сети возникли тысячи коротких сообщений, которые следовали одно за другим слишком быстро даже для системы, рассчитанной на управление целыми материками. Через транспортные узлы перестали перемещать строительные модули и климатические элементы; вместо них пошли контейнеры, архивные блоки, энергетические накопители и оборудование, которое Предтечи до этого не собирались никуда увозить. Тераформирование Земли не завершали. Его бросали и консервировали.

Причина происходящего оставалась скрытой даже от большинства автоматических систем. Центральные узлы получали лишь часть информации: новые координаты эвакуации, последовательность отключения, приоритеты сохранения данных и один повторяющийся код, который всё чаще появлялся в служебных каналах. Он обозначал внешнюю угрозу, но подробности сообщения были закрыты или уничтожались сразу после прочтения. В нескольких комплексах системы наблюдения попытались запросить уточнение и получили один и тот же ответ: продолжение работ запрещено, ожидание невозможно, времени на безопасное завершение проекта нет. Предтечи, которые ещё недавно планировали изменения земного климата на столетия вперёд, вдруг начали считать не века и даже не годы. Они считали дни.

На поверхности происходящее почти не было заметно. Маскировочные поля продолжали скрывать большинство сооружений Предтеч, хотя в некоторых районах из-за спешного отключения они начали работать с перебоями. Иногда люди видели среди степи внезапную вспышку, странное мерцание над горой или на несколько мгновений проступавшие в воздухе очертания огромной конструкции, которой там прежде словно не существовало. Потом всё исчезало, и оставались только рассказы о небесных знамениях и разгневанных богах. Небо сохраняло привычный цвет, ветры шли над степями, моря продолжали двигаться под действием Луны и Солнца, а Земля не знала, что её перестали готовить для чужой жизни.

Под землёй всё происходило иначе. Огромная сеть постепенно замолкала. В одних районах климатические узлы отключались правильно: контуры снижали мощность, давление в энергетических каналах падало, кристаллические ядра переходили в состояние глубокого сна. В других процедура прерывалась на середине. Машины получали команду закрыться, когда ещё не успевали завершить предыдущую. Где-то оставались активными отдельные датчики, где-то продолжали работать резервные накопители, где-то целый комплекс сохранял последнюю полученную задачу и ждал команды, которая уже никогда не должна была прийти. Именно такие ошибки позже окажутся опаснее всего.

Комплекс под горой, которую люди позднее станут называть Белой, должен был уйти в спящий режим одним из первых. Его центральное ядро отключили, климатические контуры свернули, транспортный узел закрылся. Но одна из внутренних систем не завершила процедуру. В глубине горной гряды сохранился аварийный канал, связанный с планетарной сетью, и время от времени он продолжал посылать короткий запрос: подтвердить статус, подтвердить задачу, подтвердить присутствие управляющего центра.

Ответа не было. Тогда система повторяла запрос снова. Сначала через часы, потом через дни, затем через годы. Проходили столетия, менялись языки и народы, а слабый импульс про-

должал возникать с прежней точностью. Он был почти неотличим от природного шума, но не исчезал окончательно, словно машина всё ещё не могла поверить, что никто больше не ответит.

В южном аварийном комплексе отключение прошло иначе. Он не получил приказа на полное закрытие: назначение требовало оставаться готовым, даже когда другие системы замолчат. Центральный генератор погрузился в ожидание, защитные контуры сохранили минимальное питание, а пространственный модуль — связь с несколькими терминалами. Для Предтеч это было мерой предосторожности. Если эвакуация окажется неполной, убежище должно было принять тех, кто не успел покинуть планету.

Никто не пришёл. На одном объекте створки успели сомкнуться и кристаллы погасли в правильной последовательности. На другом приказ застал транспортный цикл незавершённым: окно закрылось, когда последний контейнер ещё проходил сквозь него, и половина груза исчезла вместе с переходом. Последние корабли покидали Землю уже без прежней размеренности. Архивы и накопители уходили вместо строительных машин, а брошенные комплексы продолжали ждать команд.

Один из орбитальных узлов попытался передать последнее сообщение, но связь оборвалась. До земных терминалов дошли лишь приказ не возобновлять терраформирование, предупреждение о приближении неизвестного объекта или явления и координаты, не относившиеся ни к одной точке Земли. Последняя строка была повреждена сильнее остальных. Позднее её много раз будут пытаться восстановить, однако понятными останутся только несколько слов: «не открывать», «если вернётся» и «сеть должна спать».

Потом исчез последний корабль. Над Землёй снова остались только звёзды. Планета продолжала жить так, словно ничего не произошло, а глубоко под её горами, степями и будущими пустынями тысячи машин ждали команды от тех, кто больше не собирался возвращаться. По крайней мере, именно так считали сами машины.

Много веков прошло с тех пор, как последние корабли Предтеч покинули Землю. Их наземные сооружения исчезали под землёй, песком и растительностью, силовые поля постепенно слабели, но большая часть комплексов продолжала хранить молчание. Люди расселились по степям, научились плавить металл, разводить табуны, возводить курганы и читать волю духов по ветру, огню и движению звёзд. О тех, кто когда-то менял климат целых материков, не осталось достоверной памяти. Редкие рассказы о небесных огнях превратились в легенды, а места, где устройства Предтеч ещё сохраняли слабое питание, считались священными или проклятыми. Именно одно из таких мест обнаружил сакский маг, живший среди племён у Алтайских гор. Его имя позднее почти исчезло из человеческой памяти, хотя последствия принятых им решений пережили и его самого, и царей, которым он служил, и народы, считавшие свои владения вечными.

Маг обладал редким даром чувствовать кристаллы. Для других горный хрусталь был красивым камнем, для него — сложной неподвижной структурой, в которой он различал напряжение, направление и едва ощутимое движение силы. Он мог находить кристаллические жилы под землёй, замечал изменения в замёрзшей воде и чувствовал некоторые минералы ещё до того, как видел их. Однажды возле Белой горы он ощутил нечто невозможное: глубоко внутри горной гряды находилась кристаллическая структура настолько огромная и правильная, что природа не могла создать её случайно. Несколько дней маг искал источник ощущения, пока не обнаружил высоко на склоне узкую расселину. За ней оказался проход, уходивший глубоко внутрь горы. Каменные стены вскоре сменились гладкими тёмными поверхностями, а затем перед ним открылся зал таких размеров, что маг долго не мог понять, как подобное сооружение вообще могло находиться внутри горного массива.

Сначала он решил, что нашёл храм неизвестных богов. В центре зала находились огромные кольца, между которыми висели прозрачные кристаллы, а по стенам проходили линии тусклого света. Здесь не было статуй, жертвенных мест, изображений богов или следов чело-

веческой жизни, но другого объяснения увиденному он не знал. Маг несколько раз возвращался сюда, приносил дары, произносил заклинания и внимательно ждал ответа. Храм оставался совершенно равнодушен к благовониям, мясу, молоку и обращённым к нему словам, зато однажды ожил, когда маг случайно приложил кусок горного хрусталя к углублению в металлической поверхности. Светящиеся линии изменили направление, одно из колец медленно повернулось, а где-то глубоко под ногами возник низкий гул. После этого маг впервые допустил мысль, которая показалась ему почти кощунственной: возможно, перед ним вообще не храм. Возможно, всё, что он принимает за священные предметы, было создано не для поклонения, а для работы.

Он начал изучать сооружение так, как изучал бы неизвестное ремесло. Запоминал, на какие прикосновения реагируют поверхности, какие кристаллы меняют цвет, какие кольца связаны друг с другом. Он не понимал природы энергии, но видел закономерности. Слова «система» он не знал, однако постепенно понял, что одна часть устройства управляет другой, а кристаллы служат не украшением, а передают и удерживают силу. Однажды, пытаясь повторить последовательность световых знаков, маг активировал один из климатических контуров. Сначала ничего не произошло. Через несколько часов над Белой горой появились облака. На следующий день посреди тёплого времени года выпал снег. Затем замёрзли ручьи, на пастбищах лёг иней, а ночная температура упала так резко, что люди начали уводить скот из горных долин. Маг вернулся в подземный зал и увидел, что кольца вращаются всё быстрее, а свет внутри центрального кристалла стал почти белым.

Остановить устройство оказалось значительно труднее, чем разбудить. Маг перебирал знакомые ему последовательности, менял положение кристаллов, пытался воздействовать на них собственной силой и едва не усилил процесс. Только почувствовав направление потоков внутри центрального узла, он понял, какой участок необходимо изменить. Холод обжёг ему руки, когда он магией нарушил структуру одного из кристаллов. Кольца начали замедляться. Свет постепенно погас. Через несколько дней снег перестал идти, а температура вернулась к обычной. Маг вышел из горы уже с другим пониманием найденного. Боги, если они когда-либо имели отношение к этому месту, давно ушли. Осталась машина, способная изменить землю так же легко, как человек меняет направление воды в канаве.

После этого маг ещё долгие годы возвращался в подземный зал. Теперь он не приносил сюда даров и не обращался к неизвестным создателям как к богам. Он наблюдал, запоминал последовательности света, положение колец, реакцию кристаллов и едва заметные изменения на гладких металлических поверхностях. Постепенно некоторые действия перестали быть для него случайными. Он научился зажигать отдельные участки стены, останавливать вращение небольших колец, вызывать световые знаки и снова гасить их. Он не понимал, почему машина выполняет одни команды и игнорирует другие, но всё яснее чувствовал разницу между собственной магией и силой, заключённой в сооружении. Магия позволяла ему ощущать кристаллы и воздействовать на них. Машина же использовала эти кристаллы как части гораздо более сложного устройства.

Однажды маг повторил последовательность, которая прежде меняла один из внутренних контуров: коснулся двух светящихся знаков и сдвинул небольшой кристалл в основании панели. Над центральной площадкой возникло прозрачное объёмное изображение. Маг отшатнулся, решив сначала, что перед ним открылось окно в небо, но быстро понял: изображение показывало не то, что находилось снаружи. Оно показывало землю с такой высоты, с какой её не мог видеть ни человек, ни птица.

Сначала над площадкой висел только знакомый горный массив. Маг узнал хребты, долины и Белую гору, возле которой жил его народ. Затем изображение начало уменьшаться, словно невидимый наблюдатель стремительно поднимался всё выше. Горные цепи стали похожи на складки ткани, реки — на тонкие серебряные нити, знакомые земли сжались до

небольшой части огромного пространства. Маг впервые увидел свой мир не с дороги и не с вершины, а целиком, сверху. Под Белой горой горела яркая точка. От неё расходились тонкие линии к другим знакам, большая часть которых оставалась тёмной.

Потом изображение изменилось. Северная точка вспыхнула холодным белым светом, и вокруг неё начала медленно распространяться бледная область. Маг уже видел подобное в действительности и сразу понял смысл: машина показывала распространение холода. Белое пятно росло, уходило на юг, охватывало степи и горные земли, пока голограмма не выделила другой участок — огромную сухую область за знакомыми магу степями и хребтами. Там появился второй знак. Над ним развернулась полупрозрачная сфера, а пространство внутри неё осталось свободным от белого света.

Маг заставил изображение повториться несколько раз. Он не мог прочесть знаки Предтеч и не понимал, какими словами они называли показанное устройство, однако общий смысл был достаточно ясен: если машина под Белой горой выйдет из-под контроля, где-то далеко на юге существует другой комплекс, способный защитить часть земли от наступающего холода. Голограмма приблизила нужный район, показав несколько ориентиров: вытянутый горный хребет, высохшее русло, каменную гряду и огромную безводную равнину. Но машина не показывала человеческой дороги к этому месту и не знала названий, которыми пользовались люди.

Во время дальнейших исследований маг обнаружил ещё одну загадку. В боковом помещении, куда раньше не удавалось попасть, находилась гладкая панель с теми же световыми знаками. Несколько знакомых последовательностей не дали результата. Тогда маг изменил положение кристалла в соседнем гнезде, и часть стены бесшумно отступила. За ней оказался небольшой отсек. Внутри лежал плоский диск размером примерно с две человеческие ладони. По его краю шёл тёмный металл, а прозрачная середина была пронизана тончайшими кристаллическими нитями, настолько правильными, что маг сразу понял: перед ним ещё одно устройство создателей машины.

Сначала он решил, что диск может управлять климатическими контурами. Он подносил его к центральному кристаллу, прикладывал к поверхностям, возле которых прежде менял последовательности знаков, пробовал воздействовать на него магией. Ничего не происходило. Машина продолжала реагировать на кристаллы и световые последовательности точно так же, как прежде. Диск не усиливал её и не останавливал. Зато, когда маг прошёл с ним по одному из боковых коридоров, прежде тёмная дверь неожиданно покрылась голубыми линиями и открылась ещё до того, как он успел к ней прикоснуться.

Маг повторил опыт несколько раз. Без диска дверь оставалась мёртвой. Стоило приблизиться с ним — свет возвращался и проход открывался. Некоторые помещения реагировали так же, другие продолжали оставаться закрытыми. Он ещё не понимал всех различий, но назначение находки стало яснее: диск не относился к управлению климатической машиной и не был источником её силы. Он позволял входить туда, куда обычного человека машина не пропускала. Создатели комплекса носили нечто подобное с собой, и их устройства умели узнавать этот предмет.

Маг взял диск, когда отправился на юг. Путь пришлось искать обычным способом. Он запоминал увиденные сверху очертания, переносил их на кожу и деревянные дощечки, расспрашивал караванщиков, жрецов и других магов. Путешествие растянулось на годы. Одни считали его рассказы опасным безумием, другие вспоминали древние предания, уже не понимая их смысла. Сведения совпадали редко, но каждый такой случай превращал чужую световую карту в земную дорогу.

Однажды осенний ветер задержал караван у каменистой гряды. Люди теснее поставили повозки, укрыли тюки кожами и развели огонь в яме, чтобы пламя не металось по степи. Маг снова разложил свои рисунки. На потемневшей коже были хребет, извилина высохшего русла и три зубца каменной гряды. Караванщики поглядывали на них без интереса, пока один старый

проводник не придержал край рисунка заглубившим пальцем. — Откуда у тебя эти камни? — спросил он. — Ты не мог их видеть.

Маг ответил, что видел сверху, хотя ни на какую вершину не поднимался. Проводник недоверчиво прищурился, повернул кожу к огню и указал на узкую впадину между зубцами. За такой грядой, сказал он, лежит мёртвое русло; весной вода появляется там всего на несколько дней, а потом уходит под камень. Дальше начинается равнина, где караваны сворачивают к древнему городу, иначе до следующего колодца не дойти. Другие спорили, называли иной хребет, но старик выложил перед магом три кремня и согнутую ветку, повторив очертания карты. Совпали и поворот русла, и разрыв в гряде.

До рассвета маг расспрашивал его о расстояниях и колодцах. Утром караван повернул на восток, а он — к дороге, которую прежде видел только в холодном свете машины. Впервые один из нарисованных им знаков получил человеческое имя. Сомнение не исчезло, зато у поиска появилось направление.

В Храме Звезды утро начиналось задолго до первых паломников. Солнце прогревало широкие ступени, жрецы открывали двери, женщины ставили у каменных чаш хлеб и молоко. Высоко под сводом мерцала Звезда — гладкий прозрачный камень в металлической оправе, слишком ровной для человеческой руки. Люди приносили ей подношения и просили о дорогах, детях, дожде. Кошки следили, чтобы мыши не добрались до зерна, чужие собаки не забегали во двор, а паломники не унесли то, что сами же положили перед святыней.

К полудню двор наполнялся голосами. Паломники спорили, кому стоять ближе к входу, жрецы принимали масло и ткань, дети пытались коснуться хвостов хранителей. Роксана терпела это до первого неосторожного движения, потом уходила на карниз. Варка обходил чаши и ворчал, что люди молятся о дальних дорогах, хотя не умеют смотреть под ноги. Аргишта иногда садилась рядом со стариками, которые помнили предания о пересохших колодцах и каменных метках за городом. Она слушала молча: в людских рассказах названия менялись, путники путали направления, но отдельные приметы старой дороги упрямо возвращались из поколения в поколение. Храм жил этим шумом, запахами и мелкими заботами. Кошки не ждали героя из северных земель; у них хватало дел и без него.

Спарга устроился на самой тёплой плите и наблюдал, как служка переставляет чаши. Молодой кот считал порядок в храме делом важным, особенно когда порядок касался пищи. Он дождался, пока служка отвернётся, потянул носом запах козьего сыра и заметил, что одна чаша стоит на пол-лапы ближе к краю, чем вчера. — Если люди хотят отблагодарить Звезду, могли бы выбирать сыр без горечи, — сказал он.

Роксана, сидевшая выше, следила за ящерицей между камнями. Кончик её хвоста подрагивал. Она ответила, что Звезда за много веков не жаловалась, а Спарга жалуется каждое утро. Старый Варка приоткрыл один глаз и буркнул, что человеческие подношения вообще лучше не трогать: сегодня они кормят, завтра требуют знамения, а послезавтра разбирают алтарь, чтобы узнать, почему знамение запоздало.

Аргишта лежала у основания колонны, вылизывая переднюю лапу. Старшая хранительница слушала спор без видимого участия. Лишь когда Роксана спросила, правда ли за южными холмами начинается старая дорога, её ухо повернулось к молодой кошке.

— Лучше бы не начиналась, — сказал Варка. Шерсть на его загривке едва заметно поднялась. — Люди всегда находят дорогу туда, где им велено не ходить. — Но она существует? — Роксана забыла о ящерице и спустилась на ступень ниже.

Аргишта провела языком по лапе, разгладила шерсть на щеке и только потом сказала, что дорога никуда не делась. Исчезли названия, пересохли колодцы, песок закрыл метки, но камни помнят дольше людей. Больше она не объяснила. Спарга тем временем поднялся и подошёл к дверям. Звезда под сводом светилась привычным ровным светом, однако последние дни в её глубине время от времени проходила голубая жилка. — Снова, — сказал он.

Кошки подняли головы. Тонкий звук, похожий на прикосновение когтя к краю чаши, дрогнул под сводом и стих. Жрецы ничего не заметили. Аргишта перестала умываться, Варка сел, обернув хвост вокруг лап, а Роксана долго смотрела на Звезду широко раскрытыми глазами. Обычный день продолжился: во двор вошли паломники, запах хлеба смешался с пылью. И всё же хранители уже прислушивались не к людям.

Незнакомец с севера появился через несколько дней. Кошки заметили его ещё у ворот. От одежды пахло лошадью, степным дымом и холодом, которого в этих землях не бывало даже зимой. Путник шёл устало, но не озирался в поисках ночлега и не смотрел на подношения. Он смотрел только на Звезду. — Ещё один человек, уверенный, что святыня ждала именно его, — пробормотал Варка.

Роксана уже спустилась к дорожной сумке. Из-под клапана выступал край дощечки с процарапанными линиями. Маг отодвинул сумку от любопытного носа, и тогда под его одеждой что-то слабо потеплело. Голубая жилка вспыхнула внутри Звезды. Спарга вскочил так быстро, что едва не столкнул чашу со ступени.

Аргишта перестала умываться. Несколько мгновений она смотрела не на мага, а на место у него под одеждой, откуда пришёл слабый отклик.

— Ты принёс сюда нечто, что узнала Звезда, — сказала она. — Что это?

Маг коснулся ладонью спрятанного диска.

— Я сам ещё не знаю, как его следует называть. Нашёл его далеко на севере, внутри Белой горы.

Варка поднялся.

— Тогда об этом не стоит говорить перед всеми.

Аргишта коротко взглянула на него и велела путнику пройти во внутренний двор.

Там было тише, хотя через решётку доносились голоса паломников. Маг разложил рисунки: хребет, высохшее русло, каменную гряду. Роксана ходила вдоль них, принимаясь к коже и первой остановилась возле трёх каменных зубцов. Варка не подошёл. Он сидел у выхода, заслоняя дорогу собственным телом.

— Откуда у тебя изображение этих мест? — спросила Аргишта.

Маг рассказал о Белой горе и скрытом внутри неё храме, который оказался машиной. Он говорил словами своей эпохи: о кристаллах, удерживающих силу, о кольцах, заставляющих небо меняться, о светлом подобии земли, увиденном с высоты. Когда Варка спросил, зачем ему южное место, маг ответил не сразу. Потом показал ладони. Следы холодных ожогов давно побледнели, но пальцы всё ещё плохо сгибались.

— Я разбудил то, что спало под горой, — сказал он. — Летом пошёл снег. Я сумел заставить её замолчать, но не знаю, надолго ли. На световой земле южное место осталось тёплым, когда север побелел. Я ищу его, чтобы другие не повторили мою ошибку вслепую.

Варка ударил хвостом по камню. Человек уже однажды разбудил машину — это, по его мнению, было лучшей причиной не показывать ему вторую. Роксана возразила, что машина существует независимо от их желания, а людям однажды может понадобиться укрытие. Спарга принялся к одежде мага и попросил показать предмет, на который ответила Звезда.

Маг достал диск. Тёмный металл лежал у него на ладонях, прозрачную середину пронизывали кристаллические нити. По краю прошла слабая голубая линия. Под сводом отозвалась Звезда; на мгновение та же линия пересекла её глубину. Никакого нового света не возникло — лишь два древних устройства узнали друг друга.

Хранители неспешно отошли к колоннам. Маг слышал не все слова: кошки говорили тише, поворачивали уши в его сторону и замолкали, когда он делал движение. Варка повторял, что человеческое любопытство опаснее голода. Роксана напомнила о летнем снеге. Спарга заметил, что диск связан со Звездой и, вероятно, со старой дорогой. Аргишта выслушала всех, потом устроилась удобнее на нагретом камне и прикрыла глаза.

Последнее слово осталось за ней. На закате Аргишта подошла к магу и назвала три ориентира за городом: сломанный гребень, русло, которое нужно пересечь до полудня, и чёрный камень, похожий издали на сидящего зверя. Дальше хранители обещали провести его сами. Она предупредила: дорога ведёт не к власти, а к обязанности; если он снова коснётся того, чего не понимает, отвечать придётся не перед кошками.

Варка демонстративно отвернулся. Роксана первой ступила на старую дорогу. Спарга задержался лишь затем, чтобы стащить со ступени кусок негорького сыра. Так маг получил не готовую карту, а последний участок пути — после проверки, спора и выбора тех, кто хранил его задолго до прихода людей.

Вход в южный комплекс оказался скрыт лучше, чем проход под Белой горой. В каменистой гряде, занесённой песком, находилась гладкая тёмная поверхность без щелей, створок и каких-либо признаков двери. Маг несколько часов пытался воздействовать на неё теми приёмами, которым научился на Алтае. Он прикладывал к поверхности кристаллы, повторял известные последовательности, направлял собственную силу, но стена оставалась неподвижной. Только когда он подошёл почти вплотную, диск под одеждой неожиданно нагрелся. По его краю пробежала голубая линия. Такая же линия появилась на стене. Поверхность разделилась посередине и бесшумно разошлась в стороны.

Здесь прежняя догадка стала уверенностью. Диск не управлял климатом. Он был ключом — не человеческим ключом с зубцами и не магической печатью, а знаком допуска, который машины Предтеч узнавали сами. Его владельцу открывались защищённые части их сооружений. Без него можно было годами изучать внешние системы, менять отдельные кристаллические последовательности и даже по ошибке пробудить климатический контур, но некоторые двери всё равно оставались закрытыми.

Внутри маг ещё долго не понимал, что именно нашёл. Южный комплекс оказался гораздо просторнее, чем представлялось по изображению под Белой горой. Коридоры уходили в темноту, за стенами угадывались огромные пустоты, а в центральном зале возвышалось устройство, рядом с которым человек казался почти незаметным. Несколько широких колец окружали прозрачное кристаллическое ядро; от него к стенам расходились тёмные линии, терявшиеся в глубине сооружения. Всё было неподвижно и безмолвно.

Маг приблизился, держа диск перед собой. Когда до центрального устройства осталось несколько шагов, по краю диска пробежала голубая линия. Где-то под полом отозвался низкий гул. На площадке перед неподвижными кольцами один за другим зажглись тонкие кристаллические контуры, а над ними возникло объёмное изображение. Маг остановился, пытаясь понять увиденное.

Перед ним появился световой образ существа, какого он никогда прежде не встречал. Его очертания были непривычными, а подробности терялись в мерцающем свете. Существо приблизилось к изображению той же установки, возле которой стоял маг, и коснулось светящейся поверхности у основания центрального кристалла. После этого ожила не настоящая машина, а её световое подобие.

Из вершины изображённой установки поднялось изумрудное сияние. Сначала оно собралось в небольшую прозрачную полусферу, похожую на пузырь из света, затем начало расширяться. Стены вокруг светового образа исчезли, уступив место виду земли сверху. Изумрудная оболочка росла над степями, охватывала русла рек, холмы и часть безводной равнины, пока не замкнулась огромным прозрачным сводом. Под ним оставались зелёными пастбища, текла вода, над землёй плыли облака.

Потом картина изменилась. За пределами изумрудной границы земля начала белеть. Холод медленно распространялся с севера, сковывал реки, накрывал степи и горы, но, достигнув прозрачного свода, останавливался. Внутри защищённой области ничего не менялось: вода продолжала течь, над землёй двигались облака, зелёные участки не исчезали под снегом.

Маг заставил изображение повториться, а затем вызвал его ещё раз. Он не мог прочитать ни одного знака и не знал, какими словами создатели машины называли увиденное, однако назначение сооружения постепенно становилось понятным. Это место не должно было останавливать холод. Оно должно было не пустить его внутрь.

Тогда маг вспомнил белое пятно, которое видел на карте под Белой горой, и понял худшую часть того, что показывала ему машина. Изумрудная оболочка была огромна по человеческим меркам: под ней могли остаться поселения, пастбища, источники воды и множество людей. Но на изображении целой земли защищённая область занимала лишь небольшое пространство. За её границей холод продолжал распространяться дальше.

Из увиденного следовало, что южная машина не предназначена для остановки оледенения всего мира. Она не должна была заставлять Белую гору замолчать или возвращать к работе всю оставленную Предтечами сеть. Её задача была иной: сохранить ограниченный участок земли, отделив его от того, что происходило снаружи.

Маг долго смотрел, как на световой земле белизна окружает изумрудный остров. Если Белая гора когда-нибудь проснётся полностью, людям придётся не побеждать холод, а выбирать, какую землю сохранить.

После этого он провёл возле южного комплекса много времени, пытаясь понять хотя бы основные последовательности его работы. Диск открывал перед ним помещения, но не давал знания. Внутри были знаки, схемы и устройства, назначение которых он мог только угадывать. Маг запоминал всё, что казалось важным, и постепенно составил собственную последовательность действий, которой однажды смогут воспользоваться другие. Он не был уверен, что понял её безошибочно, и потому оставил внутри комплекса второе хрустальное послание — не приказ и не пророчество, а инструкцию человека, который сумел разобраться лишь в части чужого механизма и слишком хорошо знал цену одной неверной последовательности.

Вернувшись на Алтай, маг первым делом поднялся к Белой горе. Он закрыл расселину камнем, связал её собственной силой с окружающей породой и сделал так, чтобы место ничем не отличалось от обычного склона. Никакого кургана над настоящим входом он не строил: привлекать людей к месту, которое следовало заставить забыть, было слишком опасно.

Однако оставался диск. Если Белая гора пробудится, без ключа человек у южного убежища останется перед закрытой стеной. Оставить диск внутри горы означало спрятать средство спасения там же, откуда придёт опасность. Носить его с собой до смерти было бессмысленно. Маг выбрал соседнюю долину — достаточно близкую, чтобы ключ не затерялся в степи, и достаточно далёкую от настоящего входа.

Там он решил устроить отдельное хранилище и скрыть его под видом богатого погребения. По его приказу люди вырыли основание, сложили из тяжёлых плит каменную погребальную камеру и оставили в ней ложные места для останков и даров. Одну из внутренних стен сложили так, чтобы за человеческой кладкой оставался скрытым участок древней конструкции Предтеч с гнездом, способным принять диск. Строители не знали ни истинного назначения этого места, ни того, что именно собирался оставить здесь маг. Для них возводилась обычная усыпальница неизвестного знатного человека.

Когда каменная камера была готова, над ней начали насыпать курган. Землю носили корзинами, камни перекачивали при помощи деревянных рычагов, склоны укрепляли плитами. День за днём в пустой долине поднимался невысокий погребальный холм. Маг велел оставить открытым лишь узкий проход внутрь, чтобы закончить работу самому.

Перед тем как курган закрыли окончательно, маг вошёл в погребальную камеру один. В глубине, за человеческой кладкой, тускло темнела поверхность древнего устройства. Он опустился перед гнездом и положил в него диск. Голубые линии на прозрачной середине погасли одна за другой. Маг поднял ключ — линии вернулись; положил снова — исчезли. Машина принимала предмет и удерживала его в безмолвии. Этого было достаточно.

Маг вышел наружу. Проход за ним заложили тяжёлыми плитами, сверху легли последние камни и земля. Курган досыпали и выровняли склоны. Теперь в долине стоял обычный погребальный холм, под которым любой человек ожидал бы найти останки знатного правителя, оружие и погребальные сокровища. На самом деле в глубине устроенной под ним камеры, за человеческой кладкой, хранился диск Предтеч.

Обман был нужен не для того, чтобы скрыть настоящий вход: курган находился в стороне от Белой горы. Его назначение было иным — заставить случайного человека увидеть в этом месте прежде всего древнюю могилу. Даже тот, кто решится вскрыть кладку, станет искать останки правителя и погребальные дары, а не след древней машины. Но маг не рассчитывал только на это. Он наложил защиту, способную отличить осторожное снятие печатей от грубого взлома. Заклятие не должно было поражать каждого вошедшего: когда-нибудь за диском мог прийти тот, кому он действительно понадобится. Холод должен был последовать лишь за тем, кто разрушит хранилище и возьмёт его содержимое как добычу.

Рядом с ключом маг оставил первое хрустальное послание. В кристалле он запечатлел образы Белой горы, пробуждение машины, летний снег и южное убежище под прозрачным сводом. Полного пути он не оставил намеренно. Если курган найдёт человек, ищущий не спасения, а власти, прямая дорога к аварийному комплексу станет для него слишком опасным знанием. Поэтому в кристалле остались лишь начальное направление и несколько знаков. Последний участок пути маг решил доверить хранителям Храма Звезды. Но одного решения было недостаточно: кошки уже однажды помогли ему найти южный комплекс, и теперь именно им предстояло решить, согласятся ли они принять на себя эту обязанность.

К храму он вернулся не сразу. Несколько лет маг оставался на Алтае. Он проверял печати кургана, наблюдал за Белой горой и время от времени снова спускался в древний комплекс, прислушиваясь к его едва ощутимой работе и стараясь понять, не изменилось ли что-нибудь после того, что ему удалось узнать и сделать. Тайник оставался нетронутым, диск молчал в своём гнезде, а машина под горой не подавала признаков нового пробуждения. Лишь когда маг убедился, что сделал на севере всё, что пока было в его силах, он снова отправился на юг.

Теперь дорога была ему знакома, но от этого не стала ни короче, ни легче. Менялись стоянки и караваны, за спиной оставались степи, сухие русла и каменистые равнины. Одни колодцы, которыми он пользовался в прежнее путешествие, успели обмелеть, возле других появились новые стоянки. Некоторых людей, которых он когда-то расспрашивал о дороге, маг уже не встретил; другие заметно постарели, а кое-где его прежние вопросы успели превратиться в странную историю о северном маге, искавшем место, нарисованное светом. Наконец впереди снова показались стены древнего города, а над ними — знакомые очертания Храма Звезды.

Кошки узнали его раньше, чем он успел подняться по всем ступеням. За прошедшие годы Роксана стала осторожнее и уже не бросалась к незнакомым вещам с прежней беспечностью; Спарга заметно вырос, стал крупнее и степеннее, хотя по-прежнему первым замечал всё, что касалось еды и порядка в храме. Варка встретил гостя с тем же недоверием, словно их предыдущий разговор закончился только вчера. Аргишта дождалась, пока маг войдёт во внутренний двор, и лишь тогда подняла голову от лапы, которую неторопливо вылизывала.

— Значит, всё-таки вернулся, — сказала она.

— Вернулся с просьбой.

— Люди редко проходят такой путь ради просьбы, которую можно высказать в двух словах.

Маг сел напротив хранителей. Некоторое время он молчал, глядя на Звезду, светившуюся под сводом всё тем же ровным светом, а затем рассказал, что сделал после возвращения на Алтай: как скрыл расселину Белой горы, устроил ложный курган в соседней долине, оставил

под насыпью диск и поместил рядом хрустальное послание, намеренно не указав в нём всей дороги к южному убежищу.

— Ты спрятал путь от тех, кому однажды он может понадобиться, — заметил Варка.

— Я спрятал его от тех, кому нужна будет не дорога, а власть, — ответил маг. — Тот, кто действительно станет искать спасение, сможет дойти до вас.

Варка дёрнул хвостом.

— Если прежде не потеряет диск, послание и самого себя.

Спарга, устроившийся возле каменной чаши, заметил, что люди иногда умудряются потерять даже подношения, которые несколько мгновений назад сами поставили перед Звездой. Роксана фыркнула, но Аргишта даже не улыбнулась. Она смотрела на мага, ожидая продолжения.

Маг не собирался учить кошек дороге. Последние ориентиры они знали задолго до него и когда-то сами вывели его к южному комплексу. Просьба была другой. Если когда-нибудь Белая гора снова пробудится и к Храму Звезды придут люди с хрустально-металлическим диском, хранители должны будут сначала понять, зачем эти люди ищут убежище. Если ради спасения — показать им последний участок пути. Если ради власти над машиной — позволить дороге остаться тайной.

— Ты хочешь, чтобы мы судили людей, которых никогда не видели, — сказал Варка.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели на них прежде, чем покажете дорогу.

— Люди умеют хорошо говорить.

— Поэтому я и пришёл к вам, а не к людям.

На этот раз Роксана довольно шевельнула усами. Спарга уложил хвост вокруг лап и посмотрел на Аргишту. Старшая хранительница ещё некоторое время молчала, затем закончила умываться и неторопливо выпрямилась.

— Люди действительно умеют терять даже то, что специально записывают на камне, — сказала она. — Иногда они забывают смысл раньше, чем стираются сами знаки. Значит, часть дороги разумнее оставить тем, кто относится к памяти практичнее.

Варка недовольно шевельнул ушами, но спорить больше не стал.

Так хранители согласились. Это не было клятвой слуг и не стало исполнением приказа мага. Они снова приняли решение сами — так же, как когда-то сами решили показать ему дорогу к южному комплексу.

С тех пор прошли ещё годы. Маг не раз возвращался и к Храму Звезды, и к Белой горе. Иногда между двумя путешествиями проходило несколько сезонов, иногда гораздо больше. На Алтае он проверял печати кургана, обновлял защиту и снова спускался к древней машине. На юге сверял с хранителями знаки, уточнял ориентиры и рассказывал о том немногом, что удавалось понять в сооружениях Предтеч. Кошки запоминали не только его слова, но и сомнения, потому что сам маг всё реже говорил о своих выводах как о несомненной истине.

Чем больше он узнавал, тем яснее становилось другое: полностью понять наследие Предтеч он не сможет. Он оставался человеком своего времени, великим магом среди людей, способным чувствовать кристаллы и видеть в них то, чего не замечали другие, но перед устройствами существ, пересекавших звёздные пространства, его знания были всего лишь цепью наблюдений, догадок и осторожных опытов. Когда-то это открытие унизило бы его. Теперь оно лишь заставляло внимательнее относиться к каждому решению и меньше доверять собственной уверенности.

Шли годы. Дороги становились для него длиннее, подъёмы — тяжелее, а зимы на Алтае он переносил уже не так легко, как прежде. Всё реже маг отправлялся на юг. В конце концов пришло время, когда он понял, что ещё одного пути к Храму Звезды может уже не выдержать. Хранители знали всё, что он хотел им передать. Курган оставался закрытым. Диск лежал на своём месте. Оставалось только ещё раз убедиться, что Белая гора продолжает молчать.

В старости маг в последний раз поднялся к ней.

Снаружи ничто не выдавало скрытого прохода. Камень давно принял цвет окружающей породы, снег лежал в тех же трещинах, ветер шёл по склону, не встречая препятствий. Маг нашёл закрытую расселину лишь потому, что сам знал, где искать, и на несколько часов ослабил собственную печать, снова открыв путь внутрь.

Под землёй было тихо. Кристаллы не светились, кольца не двигались, машина казалась мёртвой. Маг шёл по знакомым коридорам медленнее, чем когда-то, иногда останавливаясь там, где прежде проходил не замедляя шага. Многие поверхности оставались такими же, какими он увидел их впервые. Для машины прошедшие человеческие годы словно ничего не значили.

Он остановился возле одного из древних контуров и приложил ладонь к холодной поверхности. Сначала не почувствовал ничего. Потом глубоко внутри проступил едва заметный ритм — слабый, размеренный, такой же, какой он ощущал здесь много лет назад.

Маг закрыл глаза.

Он уже знал этот ритм и теперь не пытался объяснять его волей богов.

Комплекс не умер.

Он спал.

Выйдя из горы, маг снова закрыл расселину и восстановил печать. Где-то в соседней долине под камнями ложного кургана лежал диск-ключ в древнем гнезде. Пока он оставался там, его кристаллические линии были тёмными. Ещё дальше, за степями и безводными землями, хранители Храма Звезды помнили последние ориентиры дороги к убежищу. Маг сделал всё, что мог: спрятал ключ, разделил знание, оставил послания и поручил последнюю часть пути тем, кто согласился принять её по собственной воле.

Но он не мог знать, сколько веков выдержат человеческая кладка и его собственные заветы. Не мог знать, сколько поколений кошек сменится в Храме Звезды и не превратится ли когда-нибудь переданная им память в легенду, смысл которой уже никто не сумеет объяснить. Не мог знать и того, кто однажды обнаружит курган — спаситель, грабитель или человек, которому будет безразлична разница между этими словами.

Он понимал только одно: ни одна печать не существует вечно, а человеческое любопытство переживает любые предупреждения.

Когда-нибудь кто-то увидит странные знаки на камнях. Кто-то решит, что предупреждения оставлены лишь потому, что за ними скрывается особенно ценное сокровище. Возможно, этот человек окажется достаточно осторожен, чтобы уйти. Возможно, защита остановит его. Но маг слишком хорошо знал людей, чтобы рассчитывать только на это.

Однажды кто-то всё-таки вскроет курган. Кто-то вытащит диск из гнезда.

И тогда ключ Предтеч, молчавший тысячелетиями, снова окажется на свободе, а древние машины вокруг Белой горы впервые за многие века почувствуют присутствие предмета, который когда-то носили их хозяева.

Что именно они решат после этого, маг уже не мог предсказать.

Глава 1. Зов из прошлого



Первый раз портал открылся случайно, и именно это несколько лет спустя казалось Льву Воронцову самым опасным обстоятельством всей истории. Случайность плохо действовала на людей его профессии: археолог привык искать причины, последовательности и доказательства, а не принимать невозможное на веру. Когда в глубине алтайской пещеры они нашли гладкую арку из тёмного металла, пересечённого прозрачными прожилками, Воронцов ещё несколько часов убеждал себя, что перед ним всего лишь неизвестный культовый объект. Арка уходила основанием прямо в скалу, не имела ни швов, ни следовковки, а на внутреннем ободе тянулись знаки, не похожие ни на руны, ни на тамги, ни на одну письменность, которую он видел за двадцать семь лет полевых работ. Кирилл Самойлов, специалист по сакским погребениям, сначала предположил, что сооружение гораздо позднее самой пещеры, потом сам же выругался и отказался от этой версии: металл не имел ни коррозии, ни следов инструмента, а тонкие прозрачные вставки внутри него уходили куда-то в камень. Марк Рошин, геофизик и инженер, которого в экспедицию брали прежде всего ради аппаратуры, тогда сказал, что археологи могут сколько угодно спорить о датировке, но сооружение отвечает на электромагнитный импульс. Воронцов велел повторить измерение. Рошин повторил. Через несколько минут одна из прозрачных жил в арке засветилась.

К тому времени они уже давно перестали быть обычной археологической экспедицией. Воронцов когда-то руководил официальными раскопками, писал отчёты, выступал на конференциях и терпел комиссии, которые могли месяц обсуждать покупку нового генератора, а потом за один вечер потерять документы на него. Самойлов всё ещё числился научным сотрудником, хотя в институте появлялся реже, чем в частных коллекциях людей, предпочитавших не объяснять происхождение своих вещей. У остальных участников отношения с академической наукой были ещё проще. Денис Чагин занимался продажей находок, двое братьев Осиповых отвечали за транспорт, охрану и ту разновидность полевых работ, для которой в официальной смете никогда не существовало отдельной строки. Они называли себя исследователями, конкуренты — чёрными археологами, а следователь, однажды почти добравшийся до их склада в Барнауле, использовал значительно менее научное определение. Поэтому, когда арка впервые ожила, вопрос о том, следует ли сообщить о находке властям, обсуждался недолго. Самойлов

всё-таки сказал, что, если это действительно нечто неизвестное науке, они обязаны остановиться. Воронцов спросил: «А чем именно оно тебе кажется?» Ответа тогда не было ни у кого.

Рощин подключил к найденному узлу переносные аккумуляторы не потому, что понимал принцип его работы, а потому, что один из датчиков показал слабый отклик на изменение напряжённости поля. Первые попытки не дали ничего. Потом внутри арки появился прозрачный сероватый слой, похожий на воздух над раскалённым камнем. Он дрожал, темнел, становился глубже, пока пещерная стена за ним не исчезла. Вместо неё показалась горная долина. Та же самая — Воронцов узнал линию хребта и характерный скальный выступ, — но одновременно совершенно другая. Не было грунтовой дороги, по которой они поднялись к пещере, не было вырубки ниже по склону, не было металлической опоры старой геодезической вышки. Лес стоял плотнее, река внизу шла другим руслом, а дальний склон покрывала непрерывная тёмная полоса деревьев. Они минут десять спорили о проекции, голограмме и неизвестной системе записи изображения, пока младший Осипов не поднял с пола гайку и не бросил её в серую поверхность. Гайка исчезла без звука. Ещё двадцать минут ушло на спор, кто должен проверить, существует ли она теперь по другую сторону. Воронцов закончил его самым простым способом: застегнул куртку, велел Рощину следить за полем и первым шагнул в арку.

Он вернулся через одиннадцать минут с грязью на ботинках, веткой в руке и выражением лица, которого Самойлов прежде у него не видел. Воронцов положил ветку на складной стол и долго молчал, пока Рощин сравнивал часы и показания радиометки. Для оставшихся в пещере прошло те же одиннадцать минут. За аркой была настоящая долина: ветер, холодная вода в ручье, птицы, следы животных и ни одного признака современного мира. Радиосвязь исчезла сразу после перехода, спутниковые сигналы не принимались, компас вёл себя нормально. Позднее ветку отправили в лабораторию под видом материала из обычного раскопа. Результат заставил Воронцова уничтожить копию заключения и запретить обсуждать находку по телефону. Возраст оказался таким, что лабораторной ошибкой его уже нельзя было объяснить. Тогда впервые прозвучало слово «прошлое», и даже Чагин, обычно воспринимавший любое открытие как предварительную оценку будущего лота, несколько минут ничего не сказал.

За следующие годы они научились немногому, но им хватало. Никто так и не понял, почему устройство, явно предназначенное для перемещения в пространстве, переносило ещё и через время. Рощин выдвигал одну версию за другой и больше всего держался за предположение, что после древней аварии или неправильного отключения один из координатных контуров сохранил последнюю устойчивую конфигурацию сети, существовавшую тысячи лет назад. По его мнению, арка не умела выбирать прошлое намеренно; она просто снова и снова пыталась соединиться с точкой, параметры которой когда-то запомнила. Проверить это было невозможно. Установка позволяла пользоваться собой, но объяснять принцип работы не собиралась. Попытки изменить последовательность импульсов либо не давали результата, либо заставляли арку гаснуть на несколько часов, а однажды — почти на трое суток, после чего даже Воронцов согласился прекратить эксперименты. Выход неизменно появлялся в одном районе древнего Алтая и, насколько мог определить Самойлов по растительности, поселениям и найденным вещам, примерно в одной эпохе.

Не менее важным оказалось возвращение. Рощин научился поддерживать питание арки и задавать автоматическому блоку повторные циклы включения. Уходя последним, он оставлял оборудование на современной стороне с таймером: в назначенные часы арка должна была вновь создать окно на несколько минут. По другую сторону группа возвращалась к точке выхода и ждала. Иногда окно появлялось точно вовремя, иногда запаздывало на несколько минут, и эти минуты действовали на всех значительно сильнее, чем любые разговоры о научной осторожности. Но пока система ни разу не оставила их в прошлом окончательно. После первых пробных выходов начались настоящие экспедиции. Сначала брали только образцы. Потом Самойлов нашёл бронзовую застёжку возле разрушенного жилища и заявил, что оставить её было

бы преступлением против науки. Чагин напомнил ему эту формулировку через полгода, когда они вынесли из нетронутого погребения два золотых украшения. Ещё через год никто уже не пытался придумывать оправдания. Прошлое оказалось огромным археологическим слоем, которого ещё не коснулись поздние грабители, земледелие, дороги и музеи, и постепенно люди, всю жизнь учившиеся снимать землю сантиметр за сантиметром, привыкли входить туда как на склад, где хозяева просто слишком давно не появлялись.

Очередной переход начинался обычно. Воронцов, Самойлов, братья Осиповы и Чагин ушли первыми. Рошин задержался у арки, проверяя питание и таймер автоматического блока, затем прошёл следом. На современной стороне остались аккумуляторы, контроллер и аппаратура, запрограммированная открыть окно снова в условленное время. Снаряжение группы выглядело странно даже по меркам нелегальной экспедиции: современные рюкзаки, спутниковые навигаторы, совершенно бесполезные там, где над головой не существовало ни одного спутника, бумажные карты, лазерный дальномер, георадар, магнитометр, оружие, аккумуляторы и несколько килограммов пластичной взрывчатки, происхождением которой Воронцов предпочитал не интересоваться. Современные карты помогали только крупными ориентирами. Горы оставались узнаваемыми, но реки меняли русла, леса занимали другие склоны, привычных дорог не существовало, а там, где в XXI веке стоял посёлок, могла оказаться заболоченная низина или стадо животных, никогда не видевших человека в синтетической куртке.

Сигнал появился на второй день. Рошин сначала решил, что один из датчиков неисправен. Магнитометр давал короткий всплеск, затем возвращался к норме, а через семь с небольшим минут всплеск повторялся. Он проверил питание, поменял кабель, переставил приёмный блок на несколько метров. Сигнал остался. Более того, стоило подняться выше по склону, как амплитуда увеличивалась. Воронцов подошёл, посмотрел на экран и спросил: «Руда?» Рошин покачал головой. Он никогда не любил отвечать раньше приборов и минут пять возился с настройками, прежде чем произнести: «Если это природное, природа очень старается соблюдать расписание». Самойлов присел рядом. Очередной импульс появился почти точно в рассчитанный момент. На экране поднялась узкая ровная вершина. «Маяк», — тихо сказал он. Рошин пожал плечами: «Или что-то, что очень убедительно притворяется маяком для аппаратуры, которой здесь вообще не должно существовать».

Они изменили маршрут. С каждым километром сигнал становился сильнее и выводил их в сторону Белухи, хотя непосредственно к горе не шёл. Источник находился в боковой долине среди каменных гряд. Там поднимался невысокий заросший холм почти правильной формы. Самойлов увидел его первым и сразу остановился. Для остальных это был просто покрытый травой бугор с выступавшими по краям плитами, но археолог несколько секунд смотрел молча, затем снял рюкзак и медленно обошёл насыпь. «Курган», — сказал Чагин. Самойлов не ответил сразу. Перед ними действительно находился почти образцовый сакский погребальный комплекс. Форма насыпи, каменная выкладка, ориентация сооружения и расположение наружных плит были настолько привычными, что первые минуты Самойлов заметно успокоился. Что бы ни подавало сигнал, люди явно приложили к этому месту руку.

Странности начались после первого прохода георадаром. Под человеческой кладкой обнаружилась полость, лежавшая значительно глубже обычной погребальной камеры. Её стены образовывали слишком правильные линии, а один участок вообще давал отражение, которое Рошин сначала принял за ошибку аппаратуры. В основании кургана, под несколькими смещёнными плитами, они нашли тёмную поверхность. На ней проступали тонкие знаки. Рошин посветил фонарём, хотя день ещё не закончился. Воронцов присел рядом, и оба почти одновременно поняли, что видят. Такие же знаки шли по внутреннему ободу арки в пещере. Не похожие — те же самые: короткие линии, окружности, пересечения и вытянутые фигуры, которые Самойлов когда-то безуспешно пытался принять за неизвестную письменность. Он достал телефон, открыл сохранённые фотографии портала и приложил экран к тёмной поверхности.

Совпадали даже отдельные последовательности символов. Некоторое время никто не говорил. Потом Чагин спросил: «То есть люди сверху построили курган над их штукой?» Самойлов провёл ладонью по обычной каменной кладке и ответил: «Похоже на то. Курган сакский. То, что под ним, — нет». Воронцов посмотрел на тёмную плиту и сказал: «Значит, кто-то здесь знал, что прятал».

Самойлов первым предложил ничего не вскрывать. Он потребовал полностью снять георадарную схему, зафиксировать положение камней, обследовать насыпь и хотя бы попытаться понять, как человеческий курган оказался над сооружением той же природы, что и портал. Воронцов согласился ровно до того момента, когда Рошин показал новый результат. Источник периодического сигнала находился в глубине полости. Более того, небольшой переносной анализатор, который Рошин настроил на электромагнитную подпись пещерной арки и теперь носил с собой, отвечал на каждый импульс короткой вспышкой. Два древних объекта работали на близких принципах или принадлежали одной сети.

Это изменило характер разговора. До сих пор портал оставался единственной вещью, которую группа не могла объяснить и потому боялась повредить. Теперь перед ними находился другой объект той же технологической природы. Воронцов смотрел на тёмную плиту уже не как археолог. Самойлов заметил это первым и сказал: «Если мы полезем туда взрывчаткой, мы уничтожим всё, ради чего вообще имеет смысл заниматься археологией». Воронцов усмехнулся без веселья: «Кирилл, твой профессиональный принцип закончился примерно в тот день, когда ты продал браслет из пятого выхода». Самойлов покраснел, но не отступил: «Браслет был человеческим. А это мы даже датировать не можем». — «Тем более надо увидеть, что внутри». — «Тем более нельзя ломать». Чагин, стоявший чуть в стороне, заметил, что обсуждение становится подозрительно академическим для людей, которые зачем-то принесли в прошлое несколько килограммов пластичной взрывчатки.

Заряд заложили к вечеру. Рошин отошёл выше по склону с приборами: он хотел видеть, как изменится сигнал после вскрытия. Самойлов помогал неохотно, постоянно требуя уменьшить количество взрывчатки. Один из Осиповых заметил, что, если древняя арка способна выбрасывать их через тысячи лет, её создатели, вероятно, умели делать двери прочнее современных банковских. Воронцов приказал всем отойти за каменную гряду. Первый взрыв оказался глуше, чем ожидали. Земля дрогнула, над курганом поднялась пыль, несколько человеческих плит сдвинулись, но тёмная поверхность под ними почти не пострадала. Второй заряд пришлось заложить ближе. После него край древней плиты раскололся, и за ней открылся гладкий проход, уходивший вниз под углом.

На несколько секунд по краям разрушенной поверхности проступил белёсый иней. Самойлов заметил его первым. Было слишком тепло, чтобы камень покрылся морозным налётом, однако он всё-таки провёл пальцем по белой полосе и почувствовал настоящий холод. Иней исчез почти сразу. Рошин, вызванный вниз, предположил, что внутри полости сохранялась значительно более низкая температура и после взрыва возник резкий перепад. Объяснение звучало достаточно разумно, а главное — не требовало прекращать работу. Через пять минут о странности уже почти никто не вспоминал.

Внутри воздух действительно оказался сухим и холодным. Человеческая кладка закончилась через несколько метров. Дальше стены стали гладкими, а по ним протянулись линии чужих знаков и тонкие прозрачные полосы, похожие на кристаллические вставки пещерного портала. Некоторые едва светились. Самойлов шёл первым с фонарём и всё тише повторял, что к сакам это сооружение отношения не имеет, хотя именно саки зачем-то построили над ним курган. Через несколько десятков метров проход вывел группу в небольшую камеру. Там не было ни погребения, ни золота, ни оружия, ни человеческих останков. В центре стояло низкое основание из тёмного материала. В его углублении лежал плоский диск размером примерно с

две ладони — металлический по краям и прозрачный ближе к середине. Внутри прозрачной части будто застыло облако тончайших кристаллических нитей.

Самойлов осветил основание и сразу заметил, что диск не просто положен сверху. Его край точно входил в углубление, словно предмет хранился в предназначенном именно для него гнезде. Это заставило его сказать «не трогай» ещё до того, как Воронцов успел протянуть руку. Воронцов услышал предупреждение, но руку не убрал.

Диск отделился от основания почти без усилия.

На его поверхности вспыхнула тонкая голубая линия.

В тот же момент Рошин, оставшийся у входа с аппаратурой, увидел, как показания сразу нескольких приборов ушли за верхнюю границу шкалы. Периодический сигнал, который до этого появлялся через равные промежутки, исчез. Вместо него возник непрерывный поток коротких импульсов. Где-то далеко под землёй прошла слабая вибрация, слишком глубокая и продолжительная для эха взрыва. Птицы над долиной неожиданно поднялись с деревьев и всей стаей ушли на восток.

В камере голубая линия на диске продержалась несколько секунд и погасла. Чагин посмотрел на Воронцова и спросил, всё ли уже закончилось. Тот перевернул находку в руках, наблюдая, как свет фонаря преломляется в кристаллической сердцевине, и впервые за весь день улыбнулся. «Нет, — сказал он. — Думаю, всё только начинается».

Он оказался прав, хотя смысл собственных слов не мог даже предположить. Диск не был устройством, управляющим климатом, и не содержал команды на пробуждение Белухи. Он являлся ключом доступа — идентификатором, по которому машины Предтеч когда-то узнавали того, кому разрешено входить в защищённые части их сети. Пока диск тысячи лет лежал в предназначенном для него гнезде, он оставался в режиме хранения. После извлечения кристаллические контуры активировались и передали ближайшему узлу короткий служебный пакет подтверждения доступа.

Вспомогательная станция под курганом приняла действительный код и впервые за многие века восстановила связь с региональной сетью. Сигнал прошёл дальше, к спящему комплексу глубоко под Белухой. Там всё ещё существовал аварийный канал, оставшийся после незавершённого отключения. Он не получил приказа начать терраформирование и не принял диск за сам управляющий центр. Произошло другое: система обнаружила первое за тысячелетия подтверждение присутствия авторизованного пользователя и вышла из глубокого режима ожидания, чтобы восстановить доступные функции и проверить состояние последней незавершённой программы.

Один энергетический контур замкнулся. Затем второй.

В темноте начали просыпаться кристаллические преобразователи, по древним линиям прошла энергия, а управляющее ядро стало восстанавливать состояние, в котором его когда-то заставили замолчать.

Машина Предтеч просыпалась.

Первые несколько минут после извлечения диска ничего не произошло, и именно это окончательно убедило Воронцова, что Самойлов снова перестраховывается. Голубая линия на поверхности находки погасла, вибрация под ногами прекратилась, показания приборов Рошина перестали метаться за верхней границей шкалы и установились на новом, непривычно высоком уровне. Сам Воронцов стоял посреди внутренней камеры, медленно поворачивая диск в руках и рассматривая тончайшие кристаллические нити под прозрачной поверхностью. Чагин уже освещал фонарём стены в поисках чего-нибудь столь же компактного и столь же подходящего для вывоза, братья Осиповы проверяли боковые ниши, а Самойлов смотрел не на находку, а на опустевшее гнездо. Оно было вырезано в тёмном основании точно по форме диска, и теперь по его краям едва заметно мерцали голубые точки. «Положи обратно», — сказал он. Воронцов даже не повернулся. «С какой стати?» — «Потому что оно лежало здесь

не случайно». Чагин хмыкнул, заметив, что археология вообще строится на предположении, будто всё лежит где-то не случайно. Самойлов не поддержал шутку. Он присел возле основания, не касаясь его, и повторил, что помещение больше похоже не на хранилище ценностей, а на техническую камеру. «Тем лучше, — ответил Воронцов. — Золото мы уже видели. Теперь посмотрим, сколько стоит техника, которой несколько тысяч лет и которая всё ещё работает».

Рощин оставался за пределами внутренней камеры. Он спускался достаточно далеко, чтобы увидеть гладкие стены, светящиеся полосы и чужие знаки, но дальше узкого участка перед последним проходом не пошёл. Сначала его удержала аппаратура: после извлечения диска показания изменялись слишком быстро, и бросать приборы без наблюдения он не хотел. Потом добавилось другое. Белёсый иней на разрушенной плите исчез, но Рощин помнил, как Самойлов коснулся его пальцем и отдернул руку. Внутри действительно было холоднее, однако не настолько, чтобы при тёплом воздухе снаружи камень за несколько секунд покрылся морозным налётом. Он ничего не сказал остальным. В их компании осторожность воспринималась уважительно ровно до той минуты, пока не начинала мешать зарабатывать деньги. Рощин лишь перенёс датчики ближе к проходу и наблюдал, как на экране медленно растёт широкая полоса сигнала, приходившего уже не из-под кургана, а откуда-то значительно дальше и глубже, со стороны Белухи.

Через полчаса Воронцов наконец приказал уходить. Помимо диска они взяли две тонкие кристаллические пластины, небольшой металлический элемент неизвестного назначения и несколько отколовшихся после взрыва фрагментов тёмного материала. Самойлов протестовал против каждого предмета отдельно, потом перестал. Выносить находки помогал и он сам, хотя делал это с выражением человека, который заранее готовил речь для будущего суда над собственной совестью. Рощин посмотрел на принесённые вещи и спросил, не разумнее ли оставить хотя бы диск. «Разумнее было не лезть сюда вообще», — ответил Самойлов. Воронцов убрал ключ в жёсткий пластиковый контейнер и застегнул его на ремне рюкзака. «Об этом надо было вспоминать до второго заряда». Никто не возразил. Они поднялись наружу, забрали оборудование и начали сворачивать лагерь. До очередного автоматического открытия портала оставалось чуть больше шести часов, а путь к пещере занимал почти четыре, если идти без длительных остановок.

Первые признаки появились меньше чем через час. Самойлов шёл вторым и несколько раз начал растирать ладони. Воронцов спросил, что с ним, и услышал обычное: замёрз. День был прохладным, но не настолько. Солнце ещё держалось над хребтом, температура оставалась выше десяти градусов, Чагин снял куртку и привязал её к рюкзаку. Самойлов, наоборот, застегнулся до горла. Через двадцать минут он потребовал остановиться. Его трясло уже заметно. Рощин достал электронный термометр, который носил в аптечке, и сначала решил, что тот неисправен. Тридцать пять и две. Проверил на себе — тридцать шесть и шесть. На Самойлове снова — тридцать пять и одна. «Ты где-то промок?» — спросил Рощин. Самойлов покачал головой. Воронцов раздражённо предложил дать ему горячего чая и идти дальше, но в этот момент старший Осипов сказал, что тоже не чувствует пальцев.

Через десять минут стало ясно, что дело не в Самойлове. Чагин перестал шутить, натянул куртку обратно и потребовал разжечь горелку. У младшего Осипова посинели губы. Воронцов держался дольше остальных, но Рощин заметил, как тот дважды не попал рукой в застёжку рюкзака. Они разбили экстренный привал за каменной грядой, включили две газовые горелки, завернули заболевших в термоодеяла. Ничего не помогало. Кожа становилась теплее возле огня, но измеренная температура тела продолжала снижаться. Тридцать четыре и восемь. Тридцать четыре и три. Тридцать три и девять. Рощин перебирал варианты: отравление, неизвестный газ, воздействие поля, инфекция, повреждение аппаратуры. Ни один не объяснял главного. Он чувствовал себя нормально.

Самойлов понял это раньше остальных. Он сидел возле горелки, прижимая ладони к металлической кружке с горячей водой, и всё равно дрожал так сильно, что вода выплёскивалась через край. «Ты не вошёл», — сказал он Рощину. «Куда?» — «Туда. В камеру». Рощин посмотрел на остальных. Воронцов был внутри. Чагин был внутри. Оба Осиповых были внутри. Самойлов тоже. Только он оставался в коридоре с приборами. Самойлов закрыл глаза и несколько секунд тяжело дышал. «Иней», — произнёс он. «Какой ещё иней?» — резко спросил Воронцов. «На плите. После взрыва». Чагин попытался усмехнуться, но зубы стучали слишком сильно. «Ты хочешь сказать, нас прокляли?» Самойлов открыл глаза. «Я хочу сказать, что мы нашли сооружение, которое старше кургана. А курган построили люди. Люди, которые зачем-то знали, что находится под ним». Он перевёл взгляд на контейнер с диском. «Мы думали, что взорвали дверь. Возможно, мы взорвали печать».

Воронцов приказал прекратить разговоры о проклятиях и двигаться к portalу. Он ещё пытался командовать привычным голосом, хотя говорил уже медленнее. Рощин помог поднять Самойлова, один Осипов поддерживал другого. Через несколько сотен метров стало ясно, что прежнего темпа не будет. Холод шёл не снаружи. Он словно разворачивался внутри тела. Люди прижимали руки к груди, растирали лица, пили горячую воду, но температура падала. Младший Осипов первым перестал идти. Его уложили на землю, завернули сразу в два термоодеяла, а Рощин пытался нащупать пульс, пока Воронцов требовал делать что-нибудь ещё. Делать было нечего. Пульс становился всё реже и через несколько минут исчез.

После этого никто больше не спорил с Самойловым.

Они оставили часть снаряжения и пошли дальше. Рощин нёс аппаратуру и поддерживал Самойлова. Воронцов отказался отдать диск, хотя пальцы уже почти не слушались. «Это всё, ради чего мы сюда пришли», — сказал он. Самойлов посмотрел на него с усталым недоумением. «Нет, Лев Аркадьевич. Мы сюда пришли за золотом. Просто нашли вещь, цену которой не понимаем». Воронцов хотел ответить, но закашлялся. Чагин, шедший рядом, внезапно сел прямо на землю. Он ещё был в сознании, когда Рощин измерил температуру: тридцать один и семь. Через четверть часа умер и он.

До пещеры оставалось меньше двух километров, когда упал старший Осипов. Самойлов к тому времени почти не говорил. Рощин уже не пытался объяснить происходящее медицинской. Слишком избирательно действовало неизвестное явление. Пятеро вошли во внутреннюю камеру — пятеро заболели. Один остался снаружи — один оставался здоров. Это было не доказательство магии, но для человека, несколько лет пользовавшегося порталом в прошлое, граница между невозможным и маловероятным давно перестала иметь прежнее значение.

Прибор на его груди неожиданно подал сигнал. Рощин машинально посмотрел на дисплей и на несколько секунд забыл о погибающих товарищах. Фоновый уровень, который после вскрытия кургана уже был необычно высоким, вырос ещё почти втрое. Источник находился не здесь. Направление уверенно указывало на горный массив Белухи. Импульсы шли сериями, причём каждая следующая серия становилась мощнее предыдущей. Это уже не напоминало маяк. Скорее огромная система одна за другой включала свои части.

Он показал экран Воронцову. Тот посмотрел с трудом, но смысл понял. Даже сейчас в его глазах на несколько мгновений появился прежний интерес. «Диск», — прошептал он. Рощин не ответил. Они оба знали, когда всё началось. Пока диск лежал в гнезде, сигнал повторялся слабо и равномерно. После извлечения изменилось всё. Что именно происходило под горной грядой, Рощин не знал, но одно было очевидно: небольшая камера под курганом являлась лишь частью чего-то гораздо большего.

До пещеры дошли только трое: Рощин, Воронцов и Самойлов. Самойлов умер первым, уже возле входа. В последние минуты он почти не открывал глаз и только однажды попросил Рощина не оставлять записи. «Не диск?» — спросил тот. Самойлов едва заметно покачал головой. «Записи. Хоть кто-нибудь должен понять, что мы сделали». Воронцов дождался до того

момента, когда в пещере включился автоматический блок на современной стороне и внутри арки появилась первая серая рябь. Он сидел у стены, обхватив себя руками, и смотрел на неё так, словно одной силы воли было достаточно, чтобы дожидаться открытия. Когда поверхность портала стала глубже и за ней проступила освещённая электрическими лампами современная пещера, Рошин наклонился к нему. Воронцов уже не дышал.

Контейнер с диском лежал рядом.

Рошин долго смотрел на него. Если причиной был сам предмет, брать его означало повторить судьбу остальных. Но диск часами находился возле него, а симптомы не появлялись. Более того, первым замёрз Самойлов, который почти не касался находки. Общее между погибшими было другим: все они пересекли границу внутренней камеры после того, как взрыв разрушил странную плиту и на камне появился иней.

Рошин надел перчатки, поднял контейнер и закрепил его на рюкзаке.

Ничего не произошло.

Он собрал журналы измерений, телефоны Воронцова и Самойлова, карты, два накопителя с данными и свой прибор. Тела оставить было страшнее, чем тяжело, но перенести их один он не мог. До закрытия окна оставалось меньше трёх минут. Рошин в последний раз посмотрел на дисплей. Сигнал от Белухи продолжал расти. Теперь прибор различал в нём несколько последовательностей, словно глубоко под горной грядой один за другим включались отдельные узлы.

Диск-ключ, извлечённый из древнего гнезда, сделал то, для чего когда-то был создан: сообщил системе Предтеч о присутствии действующего средства доступа. Этого оказалось достаточно. Спавший тысячелетиями комплекс под горной грядой начал пробуждаться.

Рошин этого не знал. Он видел только цифры. Но цифр ему хватило. Он шагнул в портал.

Серая поверхность сомкнулась за спиной, и вместо холодного древнего Алтая вокруг снова оказалась освещённая электрическими лампами пещера XXI века. Работал генератор, на складном столе мигали индикаторы, автоматический контроллер спокойно отсчитывал последние секунды цикла, словно за прошедшие дни не случилось ничего необычного. Рошин опустил рюкзак на каменный пол и долго стоял неподвижно.

Он вернулся один. Перед ним лежал диск. На накопителях хранились показания приборов.

А где-то по другую сторону временного прохода под Алтайской горной грядой просыпалась машина, существования которой современный мир даже не подозревал.

Рошин посмотрел на гаснущую арку и уже тогда понял, что снова туда вернётся.

После олимпиады Илья хотел только одного — добраться домой, снять пиджак, который мать заставила надеть «хотя бы на награждение», и несколько часов не слышать ни слова о коэффициентах, формулах и правильном оформлении решения. Мира, напротив, после трёх часов химических задач выглядела так, будто ей только что предложили ещё один тур. Она получила диплом, спорила с преподавателем из жюри о кристаллических решётках, по дороге к автобусу успела купить булочку и теперь шла впереди остальных школьников, рассматривая всё вокруг с тем живым вниманием, которое Илья считал одним из главных недостатков младшей сестры. Именно из-за этого внимания они и оказались в краеведческом музее. Организаторы олимпиады решили, что до отправления автобуса оставалось слишком много времени, чтобы просто отпустить детей гулять, и договорились о небольшой экскурсии. Обычная экспозиция никого особенно не удивила: каменные наконечники, реконструированные костюмы, керамика, карты древних поселений. Но ближе к концу сотрудница музея сообщила, что для участников олимпиады приготовили небольшое исключение и покажут несколько предметов из фондов, которые ещё не выставлялись в залах. После этого даже Илья перестал смотреть на часы.

В фондохранилище их пустили небольшой группой. Учитель несколько раз повторил, что ничего нельзя трогать без разрешения, сотрудница музея выдала тонкие перчатки и с той осторожностью, которая сразу превращает любой предмет в нечто более важное, чем он выглядит, начала раскладывать на столе находки из одного сакского погребального комплекса. Были бронзовые накладки, остатки поясного набора, золотые бляшки с изображениями животных, фрагменты ткани и несколько украшений, принадлежавших, вероятно, человеку очень высокого положения. Мира слушала объяснения внимательно до тех пор, пока не увидела круглую подвеску, лежавшую отдельно на серой подкладке. Она была размером примерно с ладонь, чуть меньше обычного блюдца. По краю шла потемневшая металлическая оправа с тонким орнаментом, но середина выглядела совершенно иначе: гладкая тёмная пластина блестела так ровно, словно её отполировали вчера. В ней отражались лампы, лица и белый потолок фондохранилища.

— Это зеркало? — спросила Мира.

Сотрудница музея заметно оживилась. Именно этого вопроса она, видимо, и ждала. Предмет в документах проходил как нагрудная зеркальная подвеска, вероятно часть парадного или ритуального костюма. Металлическую оправу относили к сакскому времени, а вот со вставкой всё было сложнее. Первичные исследования не позволили уверенно определить материал. Она не была обычным стеклом, обсидианом или отполированным металлом. Дополнительный анализ ещё планировали провести.

Илья наклонился ближе.

— А спектр делали?

Учитель посмотрел на него с выражением, означавшим, что задавать сотруднику музея вопросы после олимпиады разрешается, но превращать экскурсию в защиту диссертации необязательно. Женщина ответила, что часть исследований уже проводилась, но подробных результатов у неё сейчас нет. Мира тем временем почти перестала слушать. Она смотрела в тёмную середину подвески и слегка смещалась то вправо, то влево. Потом нахмурилась.

— Илья.

— Что?

— Иди сюда.

— Я и так здесь.

— Нет. Вот сюда встань.

В её голосе было то особенное выражение, после которого Илья обычно либо видел действительно интересную вещь, либо следующие десять минут объяснял сестре, почему ложка в стакане с водой не ломается на самом деле. Он встал рядом. Мира указала на отражение, не касаясь поверхности.

— Смотри на шкаф сзади.

В зеркальной вставке действительно отражался высокий металлический шкаф, стоявший за ними у дальней стены.

— И?

— Теперь посмотри на настоящий.

Илья обернулся. Потом снова посмотрел в подвеску.

— Кривизна поверхности.

— Она почти плоская.

— «Почти» здесь самое важное слово.

Мира передвинулась на полшага. Отражение шкафа изменилось, но не так, как ожидал Илья. Он приблизил лицо, теперь уже забыв и о пиджаке, и о дороге домой. Центральная пластина действительно могла иметь сложную внутреннюю структуру. Если несколько прозрачных слоёв обладали разными показателями преломления, изображение могло смещаться. Он медленно поднял руку перед поверхностью. Отражённая ладонь поднималась вслед за ним.

— Видишь? Нормально.

— Ещё раз.

Илья опустил руку и резко поднял два пальца.

В отражении движение произошло почти одновременно. Почти.

Он повторил.

На этот раз задержка была заметнее — ничтожная, меньше доли секунды, но достаточная, чтобы глаз почувствовал неправильность раньше, чем мозг успел её объяснить.

— Это из-за освещения, — сказал Илья уже без уверенности.

— Освещение задерживает пальцы?

— Нет.

Он попросил Миру медленно двигаться влево, а сам следил за её отражением. Сначала всё выглядело обычно. Потом лицо в тёмной пластине словно на мгновение осталось на прежнем месте, прежде чем последовать за настоящей Мирой. Илья выпрямился.

— Странно.

— Спасибо. Я именно поэтому тебя и позвала.

Пробуждение комплекса под Белухой не ограничилось самой горой. Восстанавливая древнюю сеть, он послал служебный импульс по уцелевшим каналам. Один из них оказался связан с устройством, которое в XXI веке уже много веков считалось всего лишь древним украшением.

Сотрудница музея уже собиралась перейти к следующему предмету, когда свет под потолком едва заметно мигнул. Никто, кроме Ильи, не обратил внимания. Через несколько секунд лампы мигнули снова. Он машинально достал телефон, собираясь включить камеру, и увидел, что заряд батареи упал с шестидесяти восьми процентов до пятидесяти девяти.

— Да ладно.

— Что? — спросила Мира.

Он показал экран. Пока они смотрели, цифра изменилась на пятьдесят семь.

— У тебя батарея дохлая.

— Она новая.

— Тогда телефондохлый.

— Спасибо за техническую экспертизу.

Экран погас. Илья нажал кнопку. Телефон включился, показал сорок восемь процентов и снова погас. В тот же момент на тёмной поверхности подвески появилась тонкая голубоватая линия. Она возникла у самого края, прошла по окружности и исчезла под металлической оправой.

Теперь Мира не сказала ничего. Просто посмотрела на брата.

Илья медленно убрал телефон. Линия появилась снова.

Сотрудница музея тоже заметила свет. Она наклонилась к столу, потом резко выпрямилась и попросила всех отойти. Учитель сразу начал оттеснять школьников назад, одновременно спрашивая, не подключено ли к витрине какое-нибудь оборудование. Ответить никто не успел. Лампы мигнули ещё раз, значительно сильнее, электронные часы над дверью показали бессмысленный набор цифр и обнулились. Где-то за стеной щёлкнуло реле.

Тёмная поверхность перестала отражать комнату.

Сначала Илья решил, что освещение полностью изменило её свойства. Вместо собственного лица он увидел мутное серо-зелёное пятно. Затем пятно стало резче. Появилась линия горизонта. Камень. Тёмный склон. Кусты, пригнутые ветром.

— Это видео? — Мира придвинулась ближе.

Илья не ответил. На изображении двигалась трава. Облако медленно пересекало кусок неба. Ветка на переднем плане качнулась, остановилась, затем снова дрогнула от порыва ветра. Картинка не повторялась и не выглядела записью. Главное же было в другом: когда Илья

немного изменил угол зрения, перспектива тоже сместилась, будто он смотрел не на экран, а через маленькое отверстие.

— Это не изображение, — сказал он.

— А что?

Он хотел ответить, но не нашёл подходящего слова.

Телефон в его руке коротко завибрировал и окончательно выключился. Следом погас телефон Миры. У ближайшей девочки планшет вдруг показал пустой экран. В помещении разом потускнели лампы, снова загорелись и начали мерцать с нарастающей частотой.

По металлической оправе подвески побежали новые линии.

Сотрудница музея потянулась к предмету, собираясь, вероятно, накрыть его защитным контейнером, но отдернула руку ещё до прикосновения. Воздух над столом стал плотным и дрожащим, как над раскалённым асфальтом. Только здесь не было жара. Наоборот, Илья почувствовал прохладу.

Где-то в городе сработала первая защита на подстанции.

Музей об этом ещё не знал. Просто свет погас на несколько секунд, включился снова, а затем выключился окончательно. За окнами исчезли вывески соседних зданий. Светофор на перекрёстке погас. На улице замедлились машины. Через несколько секунд темнота пошла дальше квартал за кварталом: автоматика отключала перегруженные участки, пытаясь локализовать повреждение, но нагрузка возникала снова уже на соседних линиях. Остановились лифты, замолчали вентиляционные установки, погасли магазины и офисы. Городская сеть, построенная для совершенно понятных человеческих потребностей, пыталась защититься от потребителя, которого в её расчётах не существовало.

В фондохранилище включились аварийные светильники. Они продержались меньше секунды.

Тёмная подвеска на столе светилась теперь сама.

Изображение гор внутри неё расширялось, хотя размер предмета не менялся. Оно словно перестало помещаться в круглый камень и проступило в воздухе над столом. Илья видел каменистую землю, траву, далёкие горы и серое небо уже не на плоской поверхности, а в объёме, причём пространство комнаты вокруг изображения начинало странно изгибаться.

— Всем к двери! — крикнул учитель.

Школьники отступили. Кто-то вскрикнул, кто-то уже пытался включить фонарик на мёртвом телефоне. Сотрудница музея стояла у стены, не отрывая глаз от предмета, который ещё минуту назад считала необычной археологической находкой.

Мира осталась возле стола.

— Мира! — Илья схватил её за руку. — Отойди.

Она сделала шаг назад. Подвеска поднялась с подкладки.

Не высоко — всего на несколько сантиметров, — но этого хватило.

Илья увидел, как металлическая цепочка, на которой когда-то носили украшение, медленно поползла по ткани, словно её тянуло к невидимому центру. Воздух перед столом сжался, потом резко растянулся в глубину. Круглая картинка превратилась в вертикальную поверхность высотой почти с человека. Это уже не было похоже ни на зеркало, ни на проекцию. За прозрачной границей лежала настоящая долина. По ней шёл ветер. Илья видел, как он гонит по траве длинную тень облака.

— Не подходи, — сказал он Мира.

И в этот момент поле потянуло её вперёд.

Мира вскрикнула. Илья дёрнул её на себя, но почувствовал, что сопротивляется не человеку и не потоку воздуха. Сила действовала сразу на всё тело, не оставляя точки, за которую можно было удержаться. Мира ударилась бедром о край стола. Илья обхватил её обеими руками. Стол сдвинулся, металлические подставки посыпались на пол.

Учитель бросился к ним. Не успел. Пространство вспыхнуло белым светом.

Для остальных всё произошло почти мгновенно. На месте стола возник ослепительный круг, помещение на долю секунды стало совершенно белым, а затем темнота вернулась. Учитель врезался руками в пустой край стола. Сотрудница музея закричала. Кто-то из школьников позвал Илью.

Илья и Миры в комнате больше не было. Не было и подвески.

Брат и сестра упали на землю почти одновременно. Илья первым почувствовал удар в плечо, затем холод, запах сырой травы и вкус земли во рту. Несколько секунд он не мог понять, где находится верх. Рядом кашляла Мира. Над ними было серое небо. Настоящее. Между облаками летела большая птица, и никакого потолка за ней не существовало.

Илья сел.

Вокруг тянулась горная долина. По склонам стоял лес, дальше поднимались вершины, на которых лежал снег. Не было ни дороги, ни линий электропередачи, ни крыш, ни вышек связи. Только ветер двигал траву и приносил откуда-то запах холодной воды.

— Ты цела?

— Кажется, — Мира поднялась на локтях.

— Ничего не болит?

— Всё болит.

— Значит, цела.

Она собиралась ответить, но вдруг посмотрела ему за спину. В траве лежала подвеска.

Металлическая оправа больше не светила. Тёмная центральная пластина снова отражала небо, лицо Илья и кусок горного склона. От портала не осталось даже дрожания воздуха.

Илья поднял предмет. Он был холодным и совершенно мёртвым.

Несколько минут назад маленький терминал получил достаточно энергии, чтобы пробить дорогу между двумя эпохами. Теперь вокруг не было ни электросети, ни аккумуляторов, ни единственного провода. Внутренний запас оказался исчерпан.

Мира посмотрела на горы, потом на брата.

— Илья.

— Что?

— Только не говори, что это опять особенности отражения.

На этот раз он не стал спорить.

Глава 2. Мир по ту сторону



Несколько минут они просто сидели в траве и приходили в себя. Илья первым заставил себя подняться на ноги, хотя плечо после падения отзывалось тупой болью, а в колене неприятно тянуло при каждом движении. Он ещё раз осмотрел Миру, заставил её пошевелить пальцами, согнуть ноги, повернуть голову и только после этого разрешил встать, чем немедленно вызвал недовольство. Мира сообщила, что не нуждается в выездной медицинской комиссии, особенно состоящей из одного четырнадцатилетнего человека без медицинского образования, но спорила больше по привычке, чем всерьёз. Её тоже трясло — не от холода, хотя ветер действительно был прохладным, а от запоздалого страха. Пока их тащило через свернувшееся пространство, бояться было некогда. Теперь вокруг стояла огромная незнакомая долина, и тишина в ней оказалась куда убедительнее любого объяснения. Не гудели машины, не шуршали шины по дороге, не было далёкого самолёта, работающего двигателя, собачьего лая из деревни, даже того постоянного низкого городского фона, который обычно замечаешь только после того, как он исчезает. Слышались ветер, вода где-то ниже по склону и птицы. Илья несколько раз медленно повернулся вокруг своей оси, словно современный мир мог обнаружиться, если посмотреть внимательнее. Мир не обнаружился.

Он достал телефон. Экран остался чёрным. Илья нажал кнопку питания, подержал её дольше, попробовал ещё раз и только после этого вспомнил, как в музее заряд исчезал прямо на глазах. Мира уже проверяла свой аппарат. У неё результат был тем же.

— Прекрасно, — сказала она, убирая телефон в карман. — Значит, если нас сейчас начнут искать, мы даже не сможем написать, что нас засосало в древнюю подвеску.

— Не в подвеску. Поле сформировалось рядом с ней.

Мира посмотрела на него так, будто именно эта точность сейчас и спасала положение.

— Извини. В следующий раз, когда меня будет засасывать поле рядом с древней подвеской, я постараюсь формулировать правильно.

Илья хотел ответить, но передумал. Спорить с Мирой в обычной ситуации иногда было полезно, а иногда просто неизбежно; спорить с ней посреди неизвестной горной долины, имея два мёртвых телефона и непонятный предмет размером с ладонь, казалось расточительством сил.

Он снова посмотрел на подвеску, которую всё ещё держал в руке. Теперь он рассматривал её уже не как музейный экспонат, а как единственную вещь, способную объяснить происходящее. Металлическая оправка была потемневшей, местами покрытой мелкими царапинами, с орнаментом, который вполне мог быть человеческой работой. Он помнил похожие узоры на других предметах, лежавших в фондохранилище рядом: животные, повторяющиеся линии, небольшие выступы для крепления цепочки. Центральная вставка не походила ни на одну из них. Тёмная пластина казалась почти безупречной. На ней не было ни скола, ни царапины, хотя предмет, если музейщики хотя бы приблизительно правильно его датировали, должен был провести в земле столетия. Илья поднёс подвеску ближе к лицу. Поверхность теперь отражала совершенно обычно: гора за плечом находилась там, где ей полагалось, никаких задержек, смещений или неправильной перспективы он не заметил. Он повернул предмет к Мире, потом к небу, наклонил к солнцу, провёл пальцами по металлическому краю. Ничего.

— Может, там кнопка есть? — спросила Мира.

— У устройства, которое искривляет пространство?

— Почему нет? Люди тоже умеют делать ракеты, но кнопки на них всё равно есть.

Илья ощупал оправку ещё раз. Небольшие неровности присутствовали, но все они относились к орнаменту или креплению. Если центральная пластина действительно была устройством, древние ювелиры, скорее всего, просто вставили её в оправку, не понимая назначения. Эта мысль пришла неожиданно и сразу показалась неприятно логичной. В музее подвеску считали сакской. Но сакской могла быть только металлическая часть.

— Смотри.

Он показал Мире место соединения. Оправка слегка заходила на край тёмной пластины, причём совсем иначе, чем выглядели сами края вставки.

— Это сделали отдельно. Вот это — украшение. А вот это...

Илья постучал ногтем по зеркальной поверхности и сразу одёрнул руку, вспомнив, что несколько минут назад предмет открывал проход между неизвестно какими точками пространства.

— ...могло существовать раньше.

Мира присела рядом и некоторое время рассматривала подвеску.

— То есть кто-то нашёл это, решил, что оно красиво блестит, и сделал кулон?

— Вполне возможно.

— Хорошо, что не тарелку.

Илья невольно усмехнулся. В их положении даже мысль о сакском правителе, евшем кашу из межпространственного терминала, обладала неожиданным терапевтическим эффектом.

Он положил подвеску на камень и попытался восстановить события в музее по порядку. Сначала неправильное отражение. Потом мигнул свет. Затем начал разряжаться телефон. Потом отключилась техника, а поверхность стала показывать долину. Следом погас музей, а затем, насколько он успел увидеть через окна, исчез свет и снаружи. И только после этого образовалось большое окно.

— Мы её не включали, — сказал Илья.

Мира подняла голову.

— Я её даже не трогала.

— Вот именно. Ты просто смотрела. Я тоже ничего не сделал. Не было ни кнопки, ни команды, ни последовательности движений. Она начала работать сама.

Он снова взял подвеску и внимательно посмотрел на тёмную сердцевину.

— Значит, что-то пришло извне.

— Что?

— Если бы я знал, я бы сейчас говорил гораздо увереннее.

Мира напомнила, что странное отражение началось ещё до того, как погас свет. Илья кивнул. Значит, устройство сначала проснулось, а уже потом начало искать энергию.

Эта часть ему нравилась меньше всего, потому что прекрасно согласовывалась с тем, что они видели. Телефон разрядился не просто быстро — заряд уходил скачками. Затем исчезло питание в помещении, потом сработала аварийная система, потом погасло всё вокруг. Если подвеска действительно забирала энергию, она не ограничилась ближайшей батареей. Она добралась до электросети и брала столько, сколько требовалось для создания портала.

— Она не сломана, — сказал Илья.

— Это хорошая новость?

— Пока нет.

Он показал Мира выключенный телефон.

— Если бы она сломалась, мы вообще ничего не могли бы сделать. А так, возможно, у неё просто нет энергии.

— То есть она села?

— Если очень сильно упростить.

— Я умею.

— Я заметил.

Мира посмотрела на подвеску с новым выражением.

— И сколько ей надо?

Илья вспомнил погасший музей, отключившиеся фонари и мгновение полной темноты за окнами.

— Больше, чем у нас есть.

Он всё же попробовал всё, что мог придумать. Поднёс подвеску к телефону, проверяя, не отреагирует ли тёмная вставка хотя бы на остаточный заряд аккумулятора, несколько раз нажал кнопку питания и даже осмотрел разъём, словно тот мог внезапно предложить решение проблемы. Телефон не отвечал. Аппарат Миры оказался в том же состоянии. Пауэрбанк у них не было. Мира напомнила, что её лежал в рюкзаке, оставленном вместе с остальными вещами школьников в музейном холле. Там же остались бутылка воды, бутерброды и лёгкая ветровка.

— Всё необходимое для путешествия во времени, — мрачно заключила она.

— Никто не планировал путешествие во времени.

— Это и называется плохой организацией.

Потом Мира предложила солнце. Если неизвестная пластина каким-то образом могла поглощать электромагнитное излучение, теоретически она могла использовать и свет. Илья ответил, что теоретически она могла питаться чем угодно, включая тепло, магнитное поле Земли или человеческое раздражение, которого у них сейчас хватило бы на обратный путь, но всё же положил подвеску на плоский камень под прямые солнечные лучи.

Они ждали минут десять. За это время Мира успела найти ручей ниже по склону, Илья успел запретить ей пить из него без проверки, после чего получил закономерный вопрос, чем именно он собирается проверять воду без лаборатории. Он ответил, что хотя бы посмотрит, нет ли выше по течению мёртвого животного, чем заслужил замечание, что его методы химического анализа несколько устарели. Подвеска тем временем лежала на солнце и не проявляла никаких признаков жизни. Илья перевернул её, подождал ещё, снова посмотрел в поверхность. В ней отражались облака — обычные, совершенно честные облака, без задержек, чужих гор и пространственных окон.

— Ну? — спросила Мира.

— Ничего.

— Значит, солнечная зарядка не предусмотрена.

— Или десяти минут недостаточно.

— Предлагаешь ждать до зимы?

Илья посмотрел на горы. На вершинах уже лежал снег, а ветер становился заметно холоднее.

— Нет.

Настоящее беспокойство пришло именно тогда. Не в момент падения и даже не тогда, когда оба телефона отказались включаться. Пока Илья возился с подвеской, проверял одну догадку за другой и искал способ её оживить, положение всё ещё оставалось задачей. У задачи можно было искать решение. Теперь перед ними лежал тёмный предмет, который ничем не отличался от музейной безделушки, а вокруг простирался мир, не обещавший ни розетки, ни дороги, ни человека с зарядным устройством. Илья снова оглядел долину. Солнце стояло достаточно высоко, но определить время суток без работающих часов он мог лишь приблизительно. Если они действительно находились на Алтае, ночь в горах могла оказаться холодной. На них была обычная городская одежда, в карманах лежали бесполезные телефоны и несколько мелочей, а единственный возможный путь домой требовал, судя по всему, энергетической системы мощностью примерно с небольшую городскую сеть. Набор для возвращения выглядел неудовлетворительно.

— Ты думаешь, мы в прошлом? — спросила Мира уже без обычной насмешки.

Илья не ответил сразу. Хотелось сказать «да», потому что всё вокруг кричало именно об этом. Хотелось сказать «нет», потому что произнесённое вслух слово превращало невероятное предположение в реальность. Он посмотрел на лес, на реку, на склон, где не было ни просеки, ни дороги, ни следа техники.

— Я думаю, что это то место, которое мы видели в подвеске.

— Это я тоже поняла.

— А вот про время пока ничего утверждать не буду.

Мира нахмурилась.

— Мы прошли через штуку из музея и оказались там, где нет ни связи, ни дорог, ни электричества. Что тебе ещё нужно?

— Доказательства.

— Мамонт?

— Мамонты здесь вообще не обязательны.

— Очень жаль. С мамонтом было бы убедительнее.

Илья покачал головой, но спорить не стал. На самом деле ему требовался не мамонт. Достаточно было увидеть людей, поселение, одежду, инструменты — что угодно, что позволило бы определить эпоху хотя бы приблизительно. Пока перед ними была только природа, а природа не обязана соблюдать школьную программу по истории.

Оставаться возле места перехода не имело смысла. Портал исчез полностью, подвеска не реагировала, а ждать неизвестного внешнего сигнала они могли часами, днями или, если устройство действительно пролежало бездействующим многие века, несколько тысяч лет. Илья убрал её во внутренний карман лёгкой куртки и тщательно застегнул молнию. Теперь эта странная вещь была одновременно их единственной уликой, единственным возможным путём домой и предметом, который он меньше всего хотел потерять. Мира тем временем снова посмотрела вниз по склону. Между деревьями блестела вода, а дальше долина расширялась и уходила к более низким холмам.

— Если здесь есть люди, они будут ближе к воде.

Илья кивнул. В этом рассуждении было больше практического смысла, чем во всех его опытах с подвеской за последние полчаса. Они ещё раз проверили карманы и начали спускаться к ручью, стараясь не уходить слишком далеко от заметных ориентиров.

Через несколько шагов Мира обернулась на место, где они появились. Там уже ничто не показывало, что несколько десятков минут назад воздух раскрылся и выбросил на траву двух школьников из другого времени.

— А если она больше никогда не включится? — спросила Мира тихо.

Илья тоже посмотрел назад, затем нащупал подвеску через ткань кармана. Ответа у него не было, и придумывать успокаивающий он не стал.

— Тогда сначала надо понять, где мы.

Это было не решение, но хотя бы задача, которую можно было выполнить без электрической сети. Они пошли вниз по долине.

Тем же утром, ещё до того, как двое незнакомых подростков появились возле ручья, Заринайя первой почувствовала, что с погодой происходит нечто неправильное. Если бы она смотрела только на небо, то, вероятно, решила бы, как и остальные, что Белая гора снова собирает над собой тяжёлые летние облака. В горах погода менялась быстро, и люди давно привыкли не доверять ни ясному рассвету, ни тёплому ветру, ни особенно старикам, которые по состоянию коленей обещали дождь с точностью до ближайших трёх дней. Но вода не ошибалась. Заринайя сидела на корточках возле отводного канала, куда из горного ручья поступала вода для летней стоянки, и держала ладонь чуть ниже поверхности. Позади неё двое пастухов спорили, кто виноват в том, что поток с утра стал слабее: верхнее стойбище, осыпавшийся склон или мальчишки, опять набившие камнями деревянную решётку. Спор постепенно становился таким подробным, что ещё немного — и в исчезновении воды обвинили бы соседний род, богов и лошадь старшего пастуха, имевшую дурную привычку стоять поперёк любой дороги. Заринайя почти не слушала. Вода проходила между пальцами слишком холодная. Не просто прохладная после ночи, а такая, какой она должна была быть возле снеговой кромки значительно выше в горах.

Она закрыла глаза и позволила своему дару коснуться течения глубже. Обычно вода ощущалась для неё как множество тонких движущихся нитей: одни приходили из-под камня, другие собирались после дождя, третьи тянулись от ледников. Сегодня все они несли одно и то же — холод, идущий со стороны Белой горы.

Заринайя убрала руку и посмотрела на мокрые пальцы. На коже блеснула тонкая ледяная корка. Она растаяла почти сразу, но этого хватило. Принцесса снова коснулась воды, на этот раз сознательно направив в неё свою силу. Холод отступил на небольшом участке, поверхность потеплела, по ней прошла лёгкая рябь, однако через несколько мгновений ледяное ощущение вернулось, словно течение приносило его непрерывно из огромного источника, с которым её собственный дар даже нельзя было сравнивать.

— Камни здесь ни при чём, — сказала она пастухам и поднялась.

Один из мужчин немедленно спросил, не значит ли это, что виноваты люди из верхнего стойбища. Заринайя посмотрела на него, и он благоразумно решил, что расследование можно продолжить позже.

Над Белой горой тем временем действительно сгущались облака. Они не двигались обычной сплошной массой, а словно возникали одно за другим над склонами, разрастались, соединялись и ползли вниз. Ветер, ещё утром тянувший тёплым воздухом из долины, вдруг изменился. Через несколько минут на лицо Заринайи упали первые капли дождя. Потом среди них мелькнуло что-то белое. Она протянула ладонь. На коже растаяла тяжёлая мокрая снежинка.

Люди вокруг тоже заметили снег, но сначала отнеслись к нему почти весело. Кто-то сказал, что гора забыла, какое сейчас время года, кто-то пообещал потребовать у неё обратно лето, если к вечеру придётся искать зимние плащи. Заринайя не улыбнулась. Дождь становился гуще, белые крупинки попадались всё чаще, а на траве возле ручья появилась тонкая стеклянная корка. Она прошла несколько десятков шагов вверх по течению, коснулась другого камня и почувствовала то же самое.

Холод не следовал за тучей — тучи следовали за холодом.

Эта мысль заставила её остановиться. Она знала, как приходит непогода: сначала меняется ветер, потом воздух набирает влагу, облака собираются вокруг вершин, и только после

этого температура падает. Здесь порядок был другим. Что-то охлаждало воду, землю и воздух, а уже затем над остывающими склонами снова и снова рождались облака. Если процесс продолжится, дождь будет возвращаться, переходить в мокрый снег, снег — в ледяную крупу, а мокрая земля начнёт замерзать раньше, чем успеет просохнуть. Для пастухов это пока означало испорченный день. Для Заринайи — погибшую траву, ледяные пастбища, больных животных и стоянки, которым придётся уходить ниже. Если холод продержится достаточно долго, проблема перестанет быть делом одной долины.

Она отправила людей предупредить управляющего стоянкой, сама же велела оседлать свою лошадь. Один из старших воинов попытался возразить, что наследнице не следует одной ехать к Белой горе, когда погода явно решила поссориться со всем живым сразу, но Заринайя оставила его следить за людьми и припасами. Брать с собой половину охраны туда, где она сама ещё не знала, что ищет, казалось ей хорошим способом заранее сообщить неизвестной опасности о приближении царского дома.

Она выехала через несколько минут, завернувшись в дорожный плащ. Лошадь шла сначала спокойно, потом начала беспокойно поводить ушами. Чем выше Заринайя поднималась по долине, тем отчётливее становилось нарушение. На теневых сторонах камней держался иней, хотя солнце временами всё ещё пробивалось сквозь облака; по склонам проходили узкие полосы дождя, и буквально через сотню шагов дождь превращался в снег. Птицы летели вниз, прочь от горы. Несколько диких коз, обычно уходивших от человека вверх по скалам, на этот раз пересекли её путь и продолжили спускаться. Природа не знала, что происходит, но уже решила не оставаться рядом.

Илью и Миру она увидела возле ручья, когда те обходили широкую заболоченную полосу. Сначала Заринайя решила, что это дети какого-то неизвестного торгового каравана, но уже через несколько секунд поняла, что ошиблась. Они были без лошадей, без выючных животных, без оружия и вообще без вещей, с которыми разумный человек отправляется в горы. Одежда выглядела ещё страннее: гладкие ткани, неизвестные застёжки, обувь почти без привычных швов. Они явно не были бедняками, но и определить их род, племя или хотя бы место происхождения по одежде было невозможно.

Илья первым услышал копыта и обернулся. Мира тоже остановилась. Для обоих появление всадницы оказалось почти таким же сильным доказательством, как если бы из-за скалы действительно вышел предложенный Мирой мамонт. Лошадь была настоящей, сбруя — потёртой от использования, на девушке не было ничего похожего на театральный костюм. Всё сидело слишком естественно, слишком удобно и слишком небрежно для реконструктора, который утром переоделся ради фестиваля. Илья успел подумать, что теперь у гипотезы о прошлом появился крайне неприятный аргумент.

Заринайя остановила лошадь в нескольких шагах от них и спросила, кто они и почему находятся на землях её отца.

Подростки переглянулись.

— Мы тебя не понимаем, — осторожно сказал Илья.

Заринайя нахмурилась. Слова были совершенно чужими — быстрыми, с непривычными сочетаниями звуков, не похожими ни на речь соседних племён, ни на языки торговцев, которых она слышала. Она задала вопрос медленнее.

— Если ты спрашиваешь, кто мы, это долгая история, — столь же бесполезно ответила Мира.

Несколько секунд стороны пытались разговаривать жестами. Заринайя указала на детей, затем на долину, потом вопросительно развела рукой. Илья показал назад, откуда они пришли, потом вверх, после чего сам понял, что его объяснение со стороны, вероятно, означает «мы упали с неба», и опустил руки.

— Дипломат из тебя примерно такого же качества, как зарядное устройство из солнечного камня, — пробормотала Мира.

Именно тогда Заринайя почувствовала странный отклик. Не звук и не движение — едва заметное напряжение в кристаллической структуре совсем рядом. Её дар отозвался на него так же, как отзывался на лёд под поверхностью воды.

Она спешила и подошла ближе. Подростки сразу напряглись. Заринайя указала на грудь Ильи, точнее на внутренний карман его лёгкой куртки. Он не понял. Она повторила жест и коснулась собственных украшений.

Илья сообразил первым. Подвеска лежала именно там. Отдавать незнакомой вооружённой девушке единственную вещь, которая потенциально могла вернуть их домой, он не собирався, и это намерение было достаточно хорошо видно без всякого знания языков.

— Она что-то чувствует, — тихо сказала Мира. — Покажи хотя бы.

Илья достал подвеску, но оставил её в ладони.

Реакция Заринайи изменилась сразу. Металлическая оправка была ей понятна: сакская работа, знакомый рисунок, знакомый способ крепления. Центральная тёмная пластина — нет. Она никогда не видела такого материала, однако ощущала внутри сложную кристаллическую структуру, слишком правильную, чтобы возникнуть сама собой. Заринайя протянула руку. Илья после короткого колебания позволил ей коснуться края.

Этого оказалось достаточно.

По тёмной поверхности прошла голубая линия. Заринайя резко вдохнула. Мир вокруг словно на мгновение отступил: исчез шум ручья, приглушился ветер, а вместо чужих бессмысленных звуков она почувствовала рядом два сознания — испуганных, напряжённых, пытающихся понять её не меньше, чем она их. Это не было чтением мыслей. Она не увидела воспоминаний и не узнала их тайн. Ей передавались намерения, простейшие связи, смысл ещё не произнесённых слов.

Илья услышал внутри головы ясную мысль, которая не была произнесена вслух:

Не бойтесь. Я не причиню вам вреда.

Он отшатнулся так резко, что едва не выронил подвеску. Мира схватила его за локоть.

— Ты тоже это слышал?

— Если ты про девушку у меня в голове — да.

Заринайя услышала ответ уже не как набор чужих звуков. Значение слов вдруг стало понятным.

Голубая линия погасла. Вместе с ней исчезло ощущение прямого присутствия чужих мыслей, но возникшая связь не пропала полностью. Заринайя произнесла осторожно:

— Теперь вы понимаете меня?

Её губы двигались всё в той же непривычной речи, однако Илья услышал смысл так, будто слова были сказаны на понятном ему языке. Он несколько секунд смотрел на неё.

— Похоже, да.

Заринайя поняла его.

Мира перевела взгляд с одного на другого.

— Мне одной кажется, что это становится всё хуже?

— С точки зрения связи ситуация как раз улучшилась.

— Качество твоего оптимизма обсудим позже.

Заринайя следила за ними с настороженным любопытством. Некоторые понятия передавались легко, другие — приблизительно. Слово «устройство» дошло до неё как сделанная человеком вещь, выполняющая определённое действие. Когда позднее прозвучало слово «музей», она скорее поняла идею места, где сохраняют старые предметы. Связь передавала смысл, но не создавала знания из ничего.

— Кто вы? — спросила Заринайя.

Илья посмотрел на Миру. Объяснение, которое ещё утром показалось бы поводом вызвать врача, теперь требовалось произнести совершенно серьёзно.

— Илья. Это моя сестра Мира. Мы... не отсюда.

Заринайя уточнила:

— Из какого рода или земли?

— Из очень далёкой, — сказала Мира.

Илья вздохнул.

— Мы были в другом месте. Эта вещь открыла проход. Потом мы оказались здесь.

Заринайя посмотрела на подвеску.

— Откуда?

— Из нашего времени.

На этот раз смысл передался хуже. Она поняла «из другого времени», но явно не нашла для этого привычного места среди возможных ответов.

— Вы говорите так, будто пришли из дней, которых ещё не было.

— Примерно так.

Принцесса долго смотрела на него.

— Вот такое выражение обычно бывает у взрослых, когда я объясняю им что-нибудь очевидное, — сообщила Мира.

Заринайя снова осторожно коснулась подвески. Её сила прошла по кристаллической сердцевине тонким импульсом. По краю вспыхнул голубой свет, поверхность на долю секунды потемнела сильнее, чем могла бы обычная зеркальная пластина, и в глубине мелькнул неясный контур гор. Потом всё исчезло.

Илья мгновенно забыл о разговоре.

— Сделай ещё раз.

Заринайя отняла руку.

— Что?

— То, что ты сейчас сделала.

— Я коснулась структуры внутри.

— Как?

Она посмотрела на него с искренним непониманием вопроса.

— Силой.

— Какой именно?

— Моей.

Мира с удовольствием наблюдала, как брат впервые столкнулся с объяснением, которое невозможно немедленно разложить на школьные термины.

— Она говорит про магию.

— Она этого не говорила.

— Потому что ей не надо. Ты просто сопротивляешься очевидному.

Илья заявил, что неизвестное воздействие на кристаллическую структуру ещё не становится магией только потому, что у него пока нет прибора для измерения. Заринайя выслушала их спор.

— Вы всегда разговариваете так много в опасных местах?

— Обычно он может ещё больше, если дать ему доску и мел, — ответила Мира.

Дальнейший спор прекратил снег. Сначала на плащ Заринайи упало несколько мокрых хлопьев, затем ветер резко усилился и принёс целую полосу холодного дождя, почти сразу смешавшегося с крупой. Температура упала настолько быстро, что Илья почувствовал это даже без термометра. На краю ручья, где вода задерживалась между камнями, появилась тонкая ледяная плёнка. Заринайя присела, коснулась её и сразу подняла глаза к Белой горе.

— Это ненормально, — сказал Илья.

— Ты тоже чувствуешь?

— Я ничего не чувствую так, как ты. Но температура падает слишком быстро. И осадки меняются слишком быстро. Сначала дождь, потом снег, потом снова дождь. Воздух очень влажный.

Мира провела ладонью по мокрому рукаву.

— Это я могу подтвердить без лаборатории.

Илья не отреагировал на шутку. Он смотрел на склон, где белая полоса снега медленно опускалась ниже.

— Холод пришёл не вместе с погодой, — сказала Заринайя. — Погода начала следовать за холодом.

Теперь её мысль была понятна и детям.

Илья несколько секунд молчал. Они появились здесь через устройство неизвестного происхождения почти одновременно с началом климатической аномалии. Заринайя, судя по её взгляду, тоже пыталась связать два события.

— Я ехала к горе, потому что нарушение идёт оттуда, — сказала она. — А вы появились на дороге к ней с вещью, которая отвечает на мою силу.

— Мы ничего с погодой не делали.

— Я этого не сказала.

— Но подумала.

— Теперь я хотя бы знаю, что ты понимаешь такие вещи без помощи вашего зеркала.

Она назвала себя только тогда, когда уже решила, что делать дальше. Заринайя, дочь правителя этих земель. Смысл её положения передался Илье и Мире приблизительно как «царская дочь» и «наследница» одновременно. Мира посмотрела на брата с выражением, означавшим, что путешествие во времени наконец приобрело обязательную принцессу и теперь отступать поздно.

— Куда ты собираешься? — спросил Илья.

— Сначала туда, где можно переждать этот снег и узнать, что происходит. Потом — ближе к Белой горе.

Она оценила их мокрую одежду и полное отсутствие припасов.

— Вы пойдёте со мной.

Формулировка была не очень похожа на приглашение.

Илья хотел возразить, но быстро перебрал доступные варианты. Они не знали местности, не понимали местных порядков, не имели еды, тёплой одежды и работающей связи. Перед ними находилась единственная местная жительница, с которой они каким-то невозможным образом могли разговаривать. Кроме того, её прикосновение только что заставило мёртвую подвеску ожить. Оставлять Заринайю и продолжать самостоятельно искать розетку в древнем Алтае было бы уже не научным скептицизмом, а упрямством.

— Хорошо.

— Видишь, — сказала Мира, — он иногда умеет принимать разумные решения. Просто ему надо дать время.

Заринайя, ещё не до конца привыкшая к тому, что понимает их шутки, впервые едва заметно улыбнулась.

Снег становился гуще. Заринайя взяла лошадь под уздцы и повела её вниз по более удобной тропе, подстраиваясь под детей. Илья убрал подвеску обратно во внутренний карман куртки. Теперь у него было уже два факта, которые он предпочёл бы не иметь: они действительно оказались среди людей другой эпохи, а девушка из этой эпохи каким-то образом заставила неизвестный терминал отозваться без единого провода. Над Белой горой продолжали собираться новые облака, и мокрый летний снег ложился на траву всё плотнее. Впервые всем троим стало ясно, что их встреча — не самое странное из происходящего вокруг.

К постоянному поселению они вышли уже под холодным дождём, который за последний час дважды переходил в мокрый снег и столько же раз снова становился дождём, словно погода сама потеряла представление о времени года. Заринайя вела лошадь шагом, подстраиваясь под детей, и всё чаще оглядывалась на Белую гору. Илья окончательно перестал считать происходящее обычной особенностью высокогорья. Температура падала слишком резко, а едва одна полоса облаков уходила за склон, над хребтом уже возникала следующая. Его лёгкая куртка, вполне подходившая для прохладного дня после олимпиады, теперь доказала свою бесполезность в горах: ткань промокла, воротник охлаждал шею, рукава липли к одежде. Мира выглядела не лучше. Кофта промокла на плечах, волосы сбились мокрыми прядями, руки она прятала в рукава. Когда впереди появились крыши, дым и ограда, оба почувствовали облегчение ещё до того, как поняли, что перед ними настоящее постоянное поселение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.